

ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЕВСТЮНИХА I

Поиск ответов на вопрос о культурно-исторических судьбах неолитического населения Среднего Зауралья сопряжен с рядом трудностей, в том числе — с недостатком абсолютных дат, несовершенством типологии керамических комплексов, отсутствием полных публикаций материалов памятников. Особенно остро стоит проблема раннего неолита, а в ее рамках — определение места посуды так называемого евстюнихского типа. В историографии утвердилось мнение о раннем возрасте данного типа керамики¹. Вместе с тем решение вопроса о месте евстюнихских древностей в зауральском неолите неотъемлемо связано с дискуссией, развернувшейся вокруг козловской культуры².

В 1968 году В. Н. Чернецов высказал мысль о том, что материалы памятника Козлов Мыс I на Андреевском озере иллюстрируют раннюю стадию зауральского неолита, которая получила название «козловской фазы»³. Данная точка зрения была воспринята в среде археологов. Последующие работы дополняли и уточняли схему, предложенную В. Н. Чернецовым. В этой связи непонятно, почему В. Ф. Старков пришел к выводу, что О. Н. Бадер не разделял мнение В. Н. Чернецова о существовании раннего козловского этапа в неолите Зауралья⁴. Напротив, О. Н. Бадер считал, что памятники козловского этапа восточноуральского неолита охватывают всю основную часть лесостепного и лесного Зауралья⁵. Характерными для козловского типа керамики были признаны крупные сосуды с приостренно-округлым дном и венчиками, имеющими хорошо выраженный наплыв с внутренней стороны. Внешняя поверхность сосудов покрывалась волнистыми узорами, нанесенными в отступающе-накользящей технике. Указывалось также на присутствие прочерченных орнаментов и крайне редкое использование гребенчатого штампа, разбивку орнаментального поля на горизонтальные зоны, внутри которых присутствовало и вертикальное деление, заполненное диагональными линиями⁶.

Описываемая выше керамика была отнесена В. Ф. Старковым к раннему этапу зауральского неолита в рамках рассмотренной им трехчленной периодизации данной эпохи. Сюда он включал толстостенные сосуды с приостренным дном, орнаментированные в прочерченной или отступающей технике — «линейно-накользящий» орнамент. Материалы стоянки Евстюниха I, частично опубликованные к этому времени, он рассматривал как ранне-неолитические⁷.

Трехстадийная схема развития зауральского неолита была пересмотрена В. Т. Ковалевой. Она предложила двухчленное деление данной эпохи, в рамках которой параллельно проходило развитие двух линий: козловской и кошкинской (для раннего этапа), полуденской и боборыкинской (для позднего). В. Т. Ковалева отказалась от использования определения «козловской фазы», предлагая «козловскую группу памятников», а позже «козловский тип керамики»⁸. К козловской группе памятников были отнесены Евстюниха I, Сумпанья IV, Ташково I, Бараний мыс, Ново-Шадрино VII, Дуванское V, Аннин остров, Полуденка I и II, Махтыльский и Кокшаровский холмы, Чебаркуль II, Уральские Зори II, Ипкуль XIII, Андреевское озеро «VIII пункт». Основными приемами орнаментации керамики данной группы памятников считались прочерчивание и отступление (прочерченно-накользящая техника), причем первый признавался более ранним⁹.

Несмотря на схожесть ряда признаков, в том числе техники нанесения орнамента, керамические комплексы, объединенные в рамках этой группы, обладают рядом особенностей, позволяющих выделять отдельные культурные типы, различия между которыми обусловлены, вероятно, хронологической позицией. С одной стороны, выдвинут тезис об объединении козловских и полуденских древностей в рамках одной неолитической культуры с сохранением за ней, в силу историографической традиции, названия козловской, но подразделяя ее на три преемственных фазы: евстюнихскую, козловскую и полуденскую¹⁰. С другой стороны, было предложено вообще отказаться от понятия «козловский тип керамики» («козловская фаза уральского неолита», «козловская группа») как не имеющего четких рамок, расширенного искусственно, а для обозначения одной из групп керамики, ранее включенной в него, ввести новое определение — «кокшаровско-юрьинский тип керамики»¹¹. Такая ситуация приводит к необходимости соотнесения ранее и вновь выделенных типов керамики, их хронологической взаимосвязи и локализации. В настоящее время

наиболее ранним признается евстюнихский тип керамики. Его характеризуют материалы таких памятников, как Евстюниха I, Уральские Зори II, поселение Исетское Правобережное (жилище I). Фрагменты посуды евстюнихского типа выделяются типологически на многослойных памятниках — Кокшаровско-Юрьинской стоянке, Шигирском истоке I, Варге, Аннином острове, Шигирском городище (болотном)¹². В литературе имеются отдельные описания данного типа керамики¹³. Используется понятие «евстюнихский стандарт», отмечается его связь с местным мезолитическим населением¹⁴. Однако полного представления о самом памятнике до сих пор не сложилось.

Первая публикация материалов с поселения Евстюниха I была посвящена находкам образцов первобытного искусства: фигурному молоту из талька в виде головы лося и глиняной скульптуре в виде фигурки птички, которые рассматривались на общем фоне материалов памятника. Отмечалось, что каменный и керамический комплексы отличаются высокой степенью однородности. Это, в свою очередь, было принято за показатель однослойности памятника¹⁵. Несмотря на то что к моменту выхода публикации исследование памятника было завершено, в статье была представлена лишь часть материала.

Общее количество описываемой керамики насчитывало 439 фрагментов, причем оговаривалась ее неудовлетворительная сохранность (155 были замыты настолько, что орнамент не просматривался вообще). Отмечалось, что 222 фрагмента были орнаментированы палочкой в прочерченной технике. Узоры характеризовались как волнистые или (реже) прямые линии, расположенные в виде горизонтальных или наклонных полос. Подчеркивался особый способ оформления венчика, по краю которого располагались один-два ряда наколов, а с внутренней стороны наносились волнистые линии. Шесть фрагментов в публикуемой коллекции орнаментированы в отступающей технике. На нескольких фрагментах был прослежен узор в виде вертикальной «лесенки», который, по мнению авторов, находил прямые аналогии в керамике козловского типа, описанного В. Н. Чернецовым. Упомянулась также керамика, где прочерченные элементы орнамента сопровождалась отпечатками гребенчатого штампа, выполняющими подчиненную роль, а также 35 фрагментов, орнаментированных гладким штампом. В статье приводилось процентное соотношение основных керамических групп: прочерченная керамика — 78,6%, волнисто-гребенчатая — 9,4%, орнаментированная при помощи «шагающей гребенки» — 12%. Отмечалось компактное залегание негребенчатой керамики в раскопе. Это позволило отнести ее к раннему хронологическому пласту. Было сделано предположение, что гребенчатая керамика относится к более позднему времени, доказательством чему мог стать планиграфический анализ. Кроме того, оговаривалось и то, что эта группа отличается от первой по составу теста, в котором вместо талька в качестве примеси использовался песок. В иллюстрациях к статье было представлено лишь шесть фрагментов керамики (три венчика и три стенки), которые не характеризуют коллекцию в целом. Помимо того что в публикации не был охарактеризован весь материал памятника, обработка керамики строилась на основе анализа отдельных фрагментов, что не могло не повлиять на предлагаемую статистику и сделанные на ее основе выводы.

Краткую характеристику памятника приводит в своей монографии В. Ф. Старков, где использует опубликованные ранее сведения¹⁶.

Рамки данной статьи позволили дать характеристику только керамике памятника. Анализ особенностей каменного инвентаря, соотнесение его с той или иной керамической группой, а также более детальная характеристика жилища потребуют значительно большего времени, чем это предполагалось первоначально. Причиной тому является неудовлетворительная сохранность полевой документации, нечеткие и разноречивые сведения дневниковых записей и отчетов.

Поселение Евстюниха I (рис. 1) было открыто в 1964 году тагильскими краеведами Е. А. Сокирко и И. А. Орловым¹⁷. Памятник обследовался экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея в 1971, 1972 годах под руководством А. И. Россадович и в 1973 году — под руководством Ю. Б. Серикова. В 1974–1975 годах А. И. Россадович исследовала памятник раскопками.

Поселение располагается на северной окраине Нижнего Тагила в поселке Евстюниха, на левом устьевом мысу реки Евстюниха при впадении ее в реку Тагил. Площадь мыса — около 1230 кв. м. По длинной оси он вытянут по линии запад – восток. Поселение занимало не только выступающую часть мыса. Подъемный материал был собран и на пашне с южной стороны мыса. Площадь памятника, таким образом, насчитывает около 800 кв. м. Раскопками вскрыто около 200 кв. м.

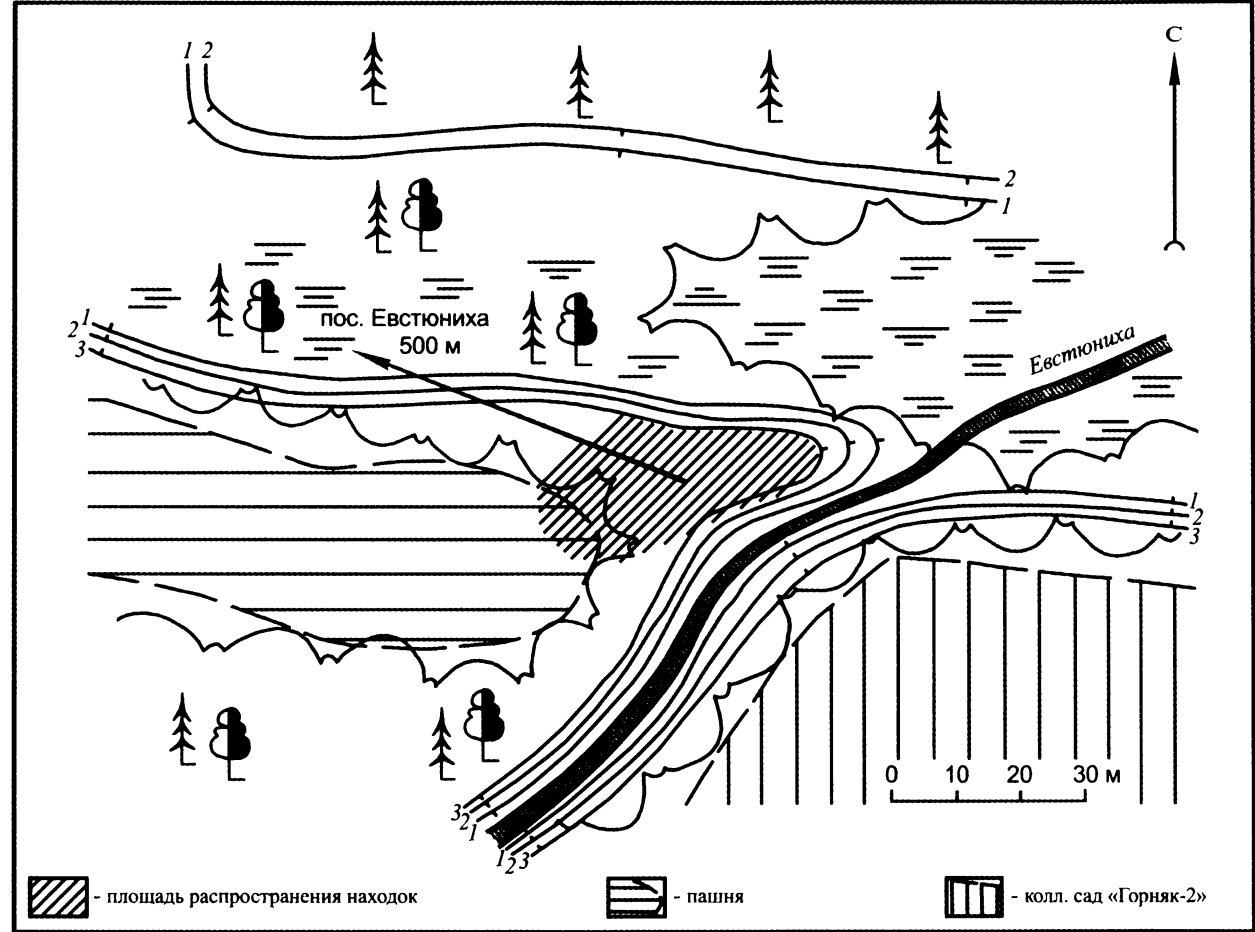

Рис. 1. Поселение Евстюниха I. Ситуационный план (по А. И. Россадович)

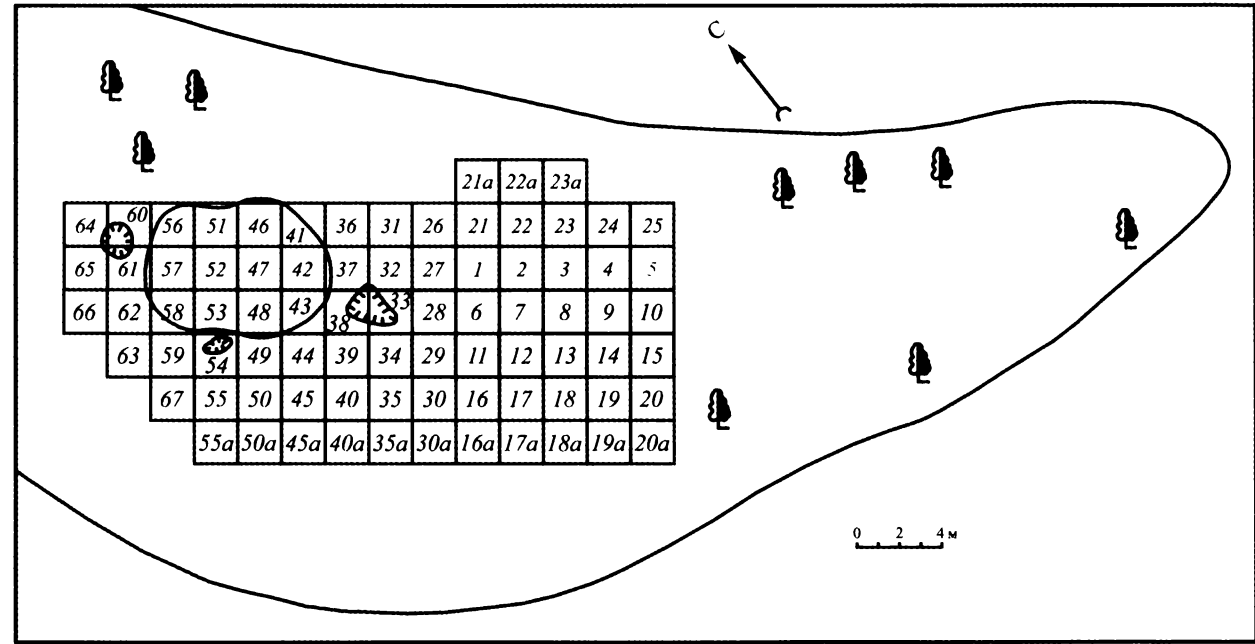

Рис. 2. Поселение Евстюниха I.
План мыса с обозначением квадратов раскопа и очертаний жилищной впадины (по А. И. Россадович)

В северо-западной части поселения была обнаружена жилищная впадина (рис. 2), вытянутая по длинной оси с запада на восток. В отчете А. И. Россадович нет четких описаний ее контуров. В публикациях же отмечается овальная в плане форма впадины¹⁸. Углублена она была воронкообразно. В центральной части глубина ее составляла 0,65 м¹⁹. Размеры впадины по линии север – юг — 6 м, запад – восток — 8 м.

Детального описания методики проводимых исследований в отчетах не имеется. В них лишь указывается, что раскоп состоял из двухметровых квадратов. Поверхность мыса нивелировалась. Репер был установлен на 40 см выше дневной поверхности. Все промеры глубин осуществлялись от условного ноля. Неизвестно, каким образом проходил разбор культурного слоя, неясна глубина зачисток и т. д. В отдельных местах отчета упоминается снятие слоя на штык лопаты. А. И. Россадович отмечает, что «экспедиция тщательно исследовала заполнение жилища на всех уровнях и зафиксировала все залегания условно, так как расцветка глины не менялась. Иногда можно было уловить только более светлые или темные пласты». Заполнение жилища было поделено автором на три условных горизонта. Первые два относились к собственно заполнению жилища, третий фиксировал дно. Первый горизонт охватывал глубину от 0,20 до 0,60 м, второй — 0,60–0,85–0,90 м, третий — 0,90–1,30 м.

Раскопки выявили четырехугольные, неправильной формы очертания жилища. Размеры его основания по линии север – юг — 6,7 м, с запада на восток — около 6,0 м. Стенки жилища отвесные. Дно неровное (в отчете А. И. Россадович поверхность дна жилища названа бугристой). А. И. Россадович приводит следующую стратиграфию культурного слоя в жилище: для северной, западной и восточной стенок — дерн, слой золы, перемешанный с глиной (?); слой темной глины (иногда чередующейся со светлой); слой твердой глины, совпадающий по составу и цвету со слоем дна. Для южной — дерн и под ним слой рыхлой глины. В этой части располагался вход в сооружение. По данным автора, его ширина достигала 4 м (?). Рядом с ним снаружи располагался костер. Согласно плану раскопа, нумерация квадратов, которые охватывали впадину, была следующей: 41–43, 46–48, 51–53, 56–58 (т. е. 12 двухметровых квадратов).

В процессе раскопок был выявлен ряд объектов, которые А. И. Россадович рассматривала как ямки от столбов. В квадратах 48, 53, 58 в южной части жилища на глубине 0,20 м были зафиксированы три ямки, но их описания в отчете отсутствуют. На глубине 0,60–0,85 м «мелкие столбовые ямки глубиной 1–2 см» были обнаружены в центральной части жилища в квадрате 47. Их количество и точные размеры не указаны. На уровне дна жилища прослежено шесть «столбовых ямок» в квадратах 43, 48, 52–53 в центральной и южной частях котлована. По свидетельству автора, они располагались напротив друг друга, имели овальную форму, одинаковые размеры (0,3 × 0,2 м) и глубину 0,1 м (за исключением одной, глубина которой 0,15 м). Между собой они соединялись «неглубокими извилинами», вероятно, канавками.

Ямки в верхнем слое впадины, по мнению автора, могут свидетельствовать о существовании «легкой шалашеобразной постройки», которая могла быть оставлена неолитическим населением, вновь заселившим уже когда-то обжитое место. Однако, даже если на какое-то время сооружение и оставлялось, промежуток времени до нового заселения был коротким, поскольку ни стерильных прослоек, ни следов сгоревших или просто обрушившихся перекрытий, переотложений слоя и т. д. не зафиксировано. Само сооружение, судя по всему, можно отнести к типу полуземлянок.

В центральной части жилища, в квадрате 52, зафиксировано костровое залегание. Впервые оно было прослежено на глубине 0,39 м; на глубине 1,10 м размеры его составили 2,00 × 1,60 м. Мощность прокала — 0,60 м. В квадрате 48 в южной привходовой (?) части сооружения отмечен еще один очаг, который на глубине 0,98 м увеличивался до 2,00 × 1,20 м. Мощность его — 0,40 м. Прокалы меньшей мощности зафиксированы А. И. Россадович в квадратах 46 (глубина 0,60–0,85 м) и 42 (глубина 0,85–1,05 м). Внешний очаг прослеживается автором рядом с южной стенкой жилища («входом») в квадратах 44–45, 49–50.

Помимо жилища, на поселении были зафиксированы и другие объекты. Вокруг впадины находились три ямы: с западной стороны, к югу и востоку от сооружения (рис. 2). Размеры их в отчете не указаны.

Судя по плану поселения, две из них (южная и восточная) имели овальную форму. Размеры первой — $1,25 \times 1,00$ м, второй — $2,70 \times 1,50$ м. Яма, выявленная с западной стороны жилища, имела округлую форму и диаметр 1,65 м. Западная и восточная ямы располагались на расстоянии примерно 1,5 м от впадины, южная — на 0,3 м. Глубина ям неизвестна. Расчистка их не дала находок. Это позволило автору предположить, что они представляли собой ямы от столбов «верхнего шалашеобразного сооружения».

В центральной части поселения А. И. Россадович описывает искусственное, по ее мнению, сооружение. Это «холм», вытянутый с северо-востока на юго-запад, размерами 6×4 м и высотой от современной поверхности 0,4–0,6 м. В своем докладе на VI Уральском археологическом совещании она называет его «жертвенным холмом»²⁰. Именно здесь была найдена основная часть костей животных, которые имеются в коллекции. В южной части поселения упоминается курган диаметром 12 м и высотой 0,5 м от современной поверхности. С северной стороны его окружает ров. По-видимому, здесь речь идет об остатках углевыжигательной «кучонки», какие часто встречаются в лесах Среднего Урала.

Исследование «холма» дало 120 находок. Это, прежде всего, отщепы, одна пластинка, нуклеус, фрагменты сосудов без орнамента, стенки с прочерченным орнаментом, стенки с гребенчатым орнаментом, венчики с прочерченно-наколычатым и гребенчатым орнаментом, кости. Сооружение, названное А. И. Россадович курганом, дало 54 находки, среди которых отщепы, скребок, две стенки сосуда без орнамента, три фрагмента керамики с гребенчатым орнаментом и один — с прочерченным. Основная же часть находок тяготеет к жилищу и прилегающему пространству.

Общее количество находок на поселении — 8123 экземпляра, из которых керамика составляет 5884 фрагмента (72,4%). Среди них 28 фрагментов (0,5%) относятся к эпохе бронзы (1), раннего железного века и средневековья (гамаюнская керамика — 9, иткульская — 9, кашинская — 7, батырская — 1, петрогромская — 1). К средневековой керамике относятся еще 165 фрагментов (2,8%). Лишь три из них орнаментированы: две стенки и один венчик. Орнаментированные фрагменты слишком малы для их однозначной атрибуции. По составу примесей в тесте (тальк, слюда), обработке поверхности их можно отнести к эпохе средневековья. Внутри этой группы вычлениются фрагменты от двух сосудов. На памятнике они были найдены большей частью вне впадины, но имеются фрагменты, которые (по описи) располагались в центре жилища, в квадрате 53 (38 фрагментов из 165) при глубине залегания 1,05 м. Невозможно восстановить, располагались ли они скоплением. В опись эти фрагменты занесены в основном последовательно, хотя и с обозначением разных квадратов и глубин. Камеральная обработка материала проходила в лабораторных условиях, чем можно объяснить такой порядок документирования находок. Вся остальная поздняя керамика была найдена за пределами жилища, за исключением фрагментов гамаюнского сосуда. Последние располагались в квадратах 41–42 сразу под дерном. Значительная часть керамики данной группы была найдена в пределах искусственного, по мнению А. И. Россадович, сооружения — «холма», который в описях обозначается «бугром».

В коллекции присутствует также гончарная керамика — 23 фрагмента. Вся она поступила в результате сборов подъемного материала (в основном вне пределов поселения).

К неолитической керамике не могут быть отнесены еще 50 фрагментов. Один из них, несмотря на маленькие размеры, является фрагментом сосуда аятского типа (рис. 3 – 13). Восемь фрагментов также орнаментированы гребенчатым штампом и относятся к частям двух разных сосудов. Примесь в тесте одного из них выступает дресва, второго — песок. Пять фрагментов последнего орнаментированы отпечатками шагающего гребенчатого штампа (рис. 3 – 10). Штамп короткий, зубцы поставлены редко и имеют квадратную форму. К вершине шага с одной из сторон подставлялся еще один отпечаток, который представляет собой своеобразный отросток. Схема узора не реконструируется. Можно лишь отметить разреженность орнамента. Другой сосуд данной группы представлен тремя фрагментами, также орнаментированными шагающим гребенчатым штампом (рис. 3 – 11).

Форма оттисков зубцов позволяет предполагать, что узор наносился челюстью какого-то животного. Орнамент на имеющихся фрагментах выстроен в горизонтальной и вертикальной плоскостях. Эти фрагменты и керамика аятского типа были найдены за пределами жилища на глубине 0,40–0,64 м. Части третьего сосуда располагались внутри жилища на глубине 1,20–1,39 м.

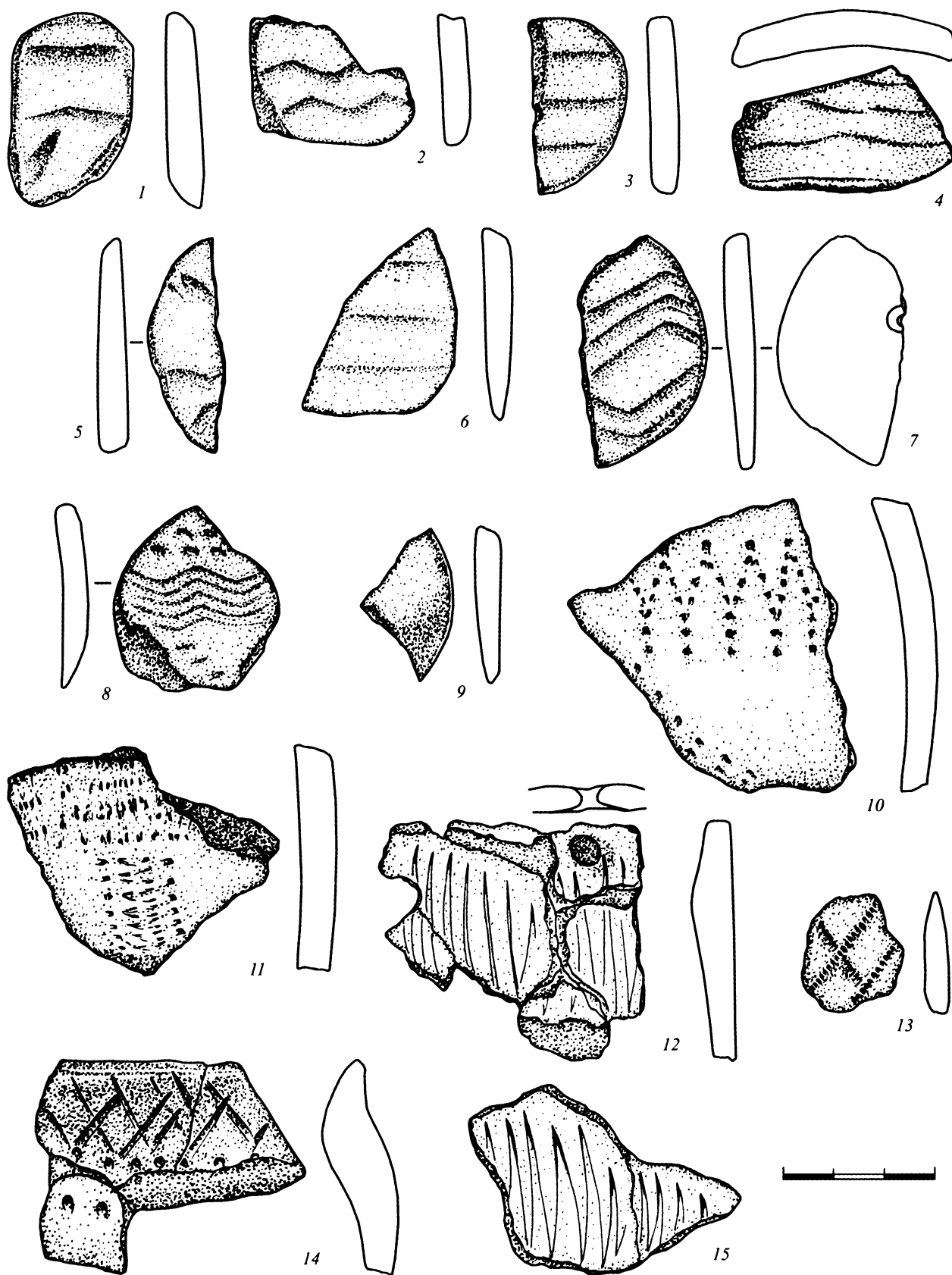

Рис. 3. Поселение Евстюниха I. Керамика

Трудности вызывает атрибуция фрагментов еще двух сосудов. Один из них представлен 34 фрагментами (рис. 3 – 12, 15), сохранность которых не может быть названа удовлетворительной. Однако просматриваемый орнамент вызывает интерес. Он полностью состоит из горизонтальных рядов шагающего гладкого штампа. Венчик с внутренней стороны имеет неширокий наплыв с хорошо выраженным ребром. Сохранившийся участок среза венчика говорит о том, что он имел волнистый край и оформлялся нажатием пальцев. Примесь в тесте является песок. Фрагменты этого сосуда поступили с поселения в результате разведки 1964 года, данные по которой полностью не сохранились. Уверенно можно утверждать, что этот сосуд был найден за пределами жилища.

Второй сосуд представлен семью фрагментами профилированного венчика (рис. 3 – 14). Примесь в тесте является мелкотолченая дресва, что очень сближает эти фрагменты по данному признаку с частями сосудов полуденского типа в этой же коллекции. Поверхность хорошо заглажена и залощена. Шейка орнаментирована короткими пересекающимися прочерченными линиями. Плечико оформлено двумя рядами округлых наколов. Ниже орнамент отсутствует. На одном из фрагментов венчика с обратной стороны переход в плечико не так хорошо заглажен и образует острое ребро. Лишь один фрагмент был найден внутри жилища на глубине 1,3–1,4 м. Остальные — за его пределами (глубина 0,50–0,71 м).

Неолитическая керамика в коллекции насчитывает 5640 фрагментов. Обработка керамического материала осуществлялась по сосудам. Всего выделено 123 неолитических сосуда. Основная часть из них вычленена по оригинальным венчикам — 112 сосудов. Выделенные сосуды охватили 2530 фрагментов, что составило 44,8% всей неолитической керамики. Оставшиеся 3110 фрагментов (55,2%) можно объединить в следующие группы (табл. I; II).

Таблица I.

Поселение Евстюниха I. Керамика с несохранившимся орнаментом

ПРИМЕСЬ В ТЕСТЕ	СТЕНКИ	ВЕНЧИКИ	ВСЕГО
Тальк	1004	56	1060
Дресва	126	4	130
ВСЕГО	1130	60	1190

Таблица II.

Поселение Евстюниха I. Фрагменты керамики, не соотносимые с сосудами

ЧАСТИ СОСУДОВ	ПРОЧЕРЧЕННЫЙ ОРНАМЕНТ	ГРЕБЕНЧАТЫЙ ОРНАМЕНТ	ВСЕГО
Стенки	1285	572	1857
Венчики	32	17	49
Придонные части	9	5	14
ВСЕГО	1326	594	1920

Следует отметить, что группа керамики с несохранившимся орнаментом объединила в основном фрагменты размерами не более 3–5 см, более крупные фрагменты встречаются реже. Разделение данной керамики на группы по примеси не случайно, поскольку с дресвой в коллекции идет преимущественно керамика полуденского типа.

Большое количество фрагментов не удалось соотнести с выделенными сосудами. Особенно это касается керамики с прочерченным орнаментом. Некоторые фрагменты одновременно могут быть отнесены к частям нескольких сосудов. Именно этот фактор, вероятно, послужил основной причиной вывода о «высокой степени однородности» керамического материала памятника. Отдельного внимания заслуживают венчики. С одной стороны, сохранность венчиков позволяет однозначно отнести их к выделяемой группе керамики с прочерченной или гребенчатой орнаментацией, с другой — не дает оснований для выделения отдельных сосудов.

Исходя из разложенных по сосудам фрагментов, только внутри жилища были найдены части 33 сосудов, а только за его пределами — восьми. Фрагменты от 79 сосудов располагались как внутри, так и за пределами жилища. Расположение на памятнике обломков трех сосудов определить не удалось. Из 123 неолитических сосудов к полуденским относятся 32 (26,0% — здесь и далее процент от общего числа неолитических сосудов), сосудов с прочерченно-накольчатым орнаментом — 86 (70%), из них с прочерченным орнаментом и разделительными поясками в виде рядов наколов — 71 (57,7%), с прочерченным орнаментом и разделительными поясками из отпечатков гребенчатого штампа — 7 (5,7%), с орнаментом, выполненным наколами, — 8 (6,5%). Еще одну группу образуют пять сосудов (4,1%), орнаментированных в отступающей технике. Лишь два сосуда из последней группы представлены наиболее полно. Размеры их не реконструируются. Толщина стенок — 0,5–0,6 см. В составе теста трех сосудов использовался тальк, в двух случаях — песок. Полностью композицию орнамента восстановить не удалось. Ясно только, что орнамент располагался горизонтальными зонами. На двух сосудах имеются разделительные пояски. Для одного из них это ряд наколов округлой формы. Два ряда таких же наколов, нанесенных поверх прочерченных прямых линий, оформляют бордюрную зону. На другом сосуде разделительные зоны оформлены отпечатками гребенчатого штампа. Основные зоны делятся на диагональные участки, заполненные прямыми или волнистыми линиями, выполненными в отступающе-накольчатой технике. На отдельных фрагментах сохранились горизонтальные или прямые линии, расположенные плотно друг к другу. В одном случае они нанесены расщепленной палочкой. Описываемая керамика близка к недавно выделенному кокшаровско-юринскому типу²¹, однако не идентична керамике с таких памятников, как Кокшаровский холм, Юринское поселение, Кокшаровское поле и др. На памятнике она была найдена в жилище (на дне и в заполнении) и за его пределами.

Полуденский тип керамики представлен фрагментами от 32 сосудов (рис. 4). Попытки планиграфически и стратиграфически отчленить их от сосудов, орнаментированных прочерченно-накольчатыми узорами, ни к чему не привели. Основная часть фрагментов полуденских сосудов была найдена в жилище на тех же глубинах, включая дно впадины.

Эти две группы керамики различаются своей сохранностью. Из 32 сосудов полуденского типа только 12 (37,5% — здесь и далее процент от количества сосудов в группе) представлены более чем десятью фрагментами, 13 сосудов (40,6%) насчитывают один-три фрагмента. Для сравнения: 33 сосуда (46,5%) с прочерченно-накольчатым орнаментом имеют больше десяти фрагментов, из них 13 сосудов (18,3%) представлены более чем 40 фрагментами, девять (12,7%) — более чем 70 фрагментами, 23 сосуда (32,3%) представлены одним-тремя фрагментами.

Лишь семь сосудов полуденского типа сохранились в той степени, чтобы можно было судить об их форме и характере орнаментальных композиций. Диаметр устья этих сосудов 24–26 см. Форма закрытая, бока слегка раздуты в верхней трети, венчики иногда чуть отогнуты наружу. Дно приостренное. Примесь в тесте служили тальк (14/46,7%) или дресва (16/53,3%). Поверхность обработана небрежно, не залощена. Толщина стенок — 0,5–0,7 см. Венчики с внутренней стороны имеют наплыв высотой 2,1–2,6 см (только у одного сосуда высота наплыва составляет 3,1 см). Ребро наплыва может быть приостренным или массивным округлым. В трех случаях венчик с внутренней стороны орнаментирован одной прочерченной волнистой линией, в одном — протаскиванием гребенчатого штампа. Срез венчика прямой, в большинстве случаев плоский. У трех сосудов он орнаментирован наколами. При оформлении среза одного из сосудов использовался инструмент типа острой палочки, два других орнаментированы расщепленной палочкой или уголком гребенчатого штампа. Сами наколы расположены неплотно, на значительном расстоянии друг от друга.

Прочерченно-волнистые узоры покрывают всю поверхность сосудов и нанесены гребенчатым штампом. Количество зубцов последнего могло быть разным — от трех до семи (в одном случае использовался и двузубый штамп). Орнамент расположен горизонтальными зонами. Анализ сочетаемости элементов орнамента позволил выделить две группы сосудов. Для первой характерно чередование отпечатков штампа (прямых или наклонных) или шагающей гребенки (с широким шагом) с зонами, заполненными

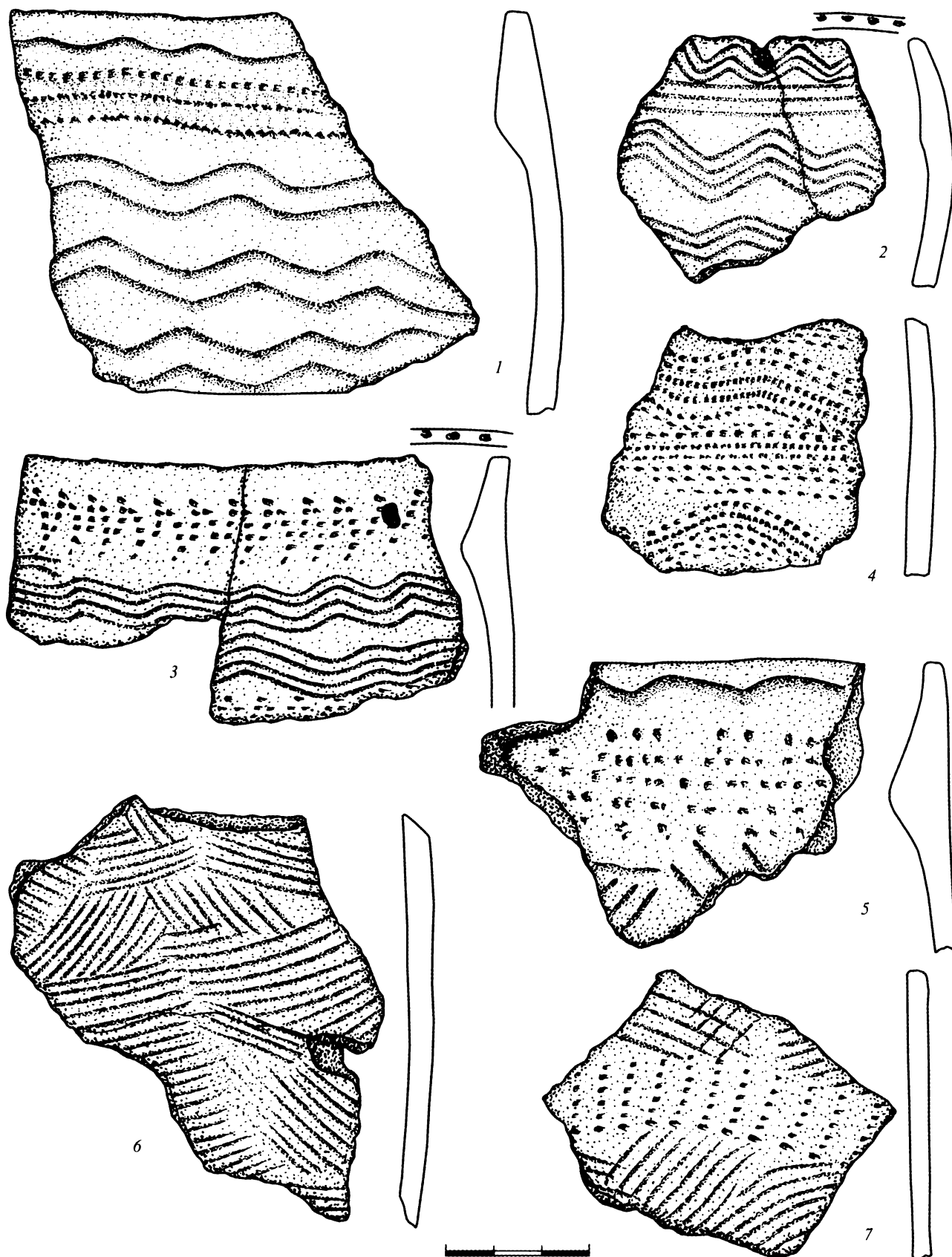

Рис. 4. Поселение Евстюниха I. Керамика полуденского типа

одним или несколькими рядами волнистых линий, прочерченных гребенкой (рис. 4 – 1, 6–7). Второму присуще отсутствие разделительных поясков, сплошная орнаментация в единой технике. Это могут быть горизонтальные и наклонные пояса шагающей гребенки (с плотным шагом) (рис. 4 – 4), пояса из горизонтальных волнистых наклонных взаимопроникающих линий, выполненных в технике протасненной гребенки (рис. 4 – 2–3).

Интерес вызывает один сосуд. Несмотря на то что орнамент на нем выполнен без особой тщательности, композиционное решение в построении узора выделяет его из общей массы. Бордюрная зона оформлена прочерченной волнистой линией и пояском шагающей гребенки, ниже проходит пояс из взаимопроникающих треугольников, нанесенных в технике прочерчивания инструментом типа палочки (рис. 4 – 5). В средней и придонной частях сосуда располагается орнамент, типичный для первой группы (чередование разделительных рядов шагающего штампа с основными зонами, заполненными волнистыми линиями, выполненными протаскиванием гребенки).

Отдельную группу образуют сосуды, где орнамент выполнен в прочерченно-накольчатой технике. Данная керамика соотносится с общим определением евстюнихского типа керамики, имеющимся на данный момент в литературе²². Детальная его характеристика дается ниже. Размеры сосудов внутри выделяемой серии варьируются от очень больших до очень маленьких. Выделяется несколько групп с разным диаметром устья: очень большие — диаметром 36–42 см (9/11,5% — здесь и далее процент от количества сосудов, диаметр которых удалось определить), большие — 30–34 см (10/12,8%), средние — 22–28 см (9/11,5%), малые — 16–20 см (11/14,2%) и очень маленькие — 8–14 см (18/23%). Не удалось определить диаметр 29 сосудов (33,7%). Максимальный диаметр тулова сосудов соотносится с верхней третью их высоты. Обычно он больше диаметра устья на 2–3 см. Форма горшков закрытая, образуется за счет наклоненных внутрь венчиков и раздутых боков. Венчики восьми сосудов (14%) слегка отогнуты наружу. Отвесные стенки наблюдаются только в одном случае. Срез венчика плоский, редко чуть скошен внутрь. С внутренней стороны венчика обязательно присутствует наплыв. Четкой зависимости высоты наплыва от диаметра устья не прослеживается. В рамках выделенных групп сосудов высота наплыва варьируется от 1,7 до 3,0 (иногда 3,2) см. Исключение составляют некоторые большие сосуды с диаметром до 42 см (высота наплыва достигает 3,4–3,8 см) и сосуды с диаметром 8–14 см (высота наплыва — 0,6–1,5 см).

Толщина наплыва для всех выделенных групп, за исключением очень маленьких, — 1,1–1,6 см. Ребро в большинстве случаев четкое, реже заглаженное. Толщина стенок сосудов — 0,5–0,7 см. Толщина наплыва у сосудов очень маленьких размеров составляет 0,4–0,8 см. Ребро почти всегда выражено слабо. Толщина стенок сосудов данной группы — 0,3–0,4 см.

Сосуды этой серии остродонные: в коллекции имеются восемь реконструированных днищ, еще 13 сосудов подклеиваются достаточно полно, чтобы судить о форме дна (три из них относятся к группе сосудов малых форм).

Особый интерес вызывают два сосуда. Один из них имеет диаметр 10 см, вся поверхность его орнаментирована наколами (рис. 5 – 1). Дно сосуда округлое. Второй сосуд диаметром устья 24 см относится к группе керамики с прочерченно-накольчатой орнаментацией и имеет слегка уплощенное дно (рис. 5 – 2). Такая форма, скорее всего, была получена в результате небрежности в процессе изготовления, поскольку следы деформации тулова имеются и в придонной части.

Визуально фиксируемыми примесями в тесте сосудов данной группы являются тальк (58/67,5%), тальк с охрой (14/16,3%), тальк и дресва (3/2,3%), дресва (10/11,6%). Фрагмент одного сосуда в составе теста содержит шамот.

По приемам орнаментации выделяется несколько групп. Основная часть сосудов орнаментирована в прочерченно-накольчатой технике (71/82,5%). Наколами оформлены край венчика (бордюрная зона) и разделительные зоны. Для нанесения орнамента использовался инструмент типа палочки (89,7%). Иногда применялась «расщепленная палочка» (3,8%). В одном случае орнаментатор предположительно выступала челюсть животного (рис. 5 – 2; 6 – 16). Ко второй группе были отнесены сосуды, в орнаментации которых применялся трех- или четырехзубый гребенчатый штамп (7/8,2%). Использование последнего ограничивается оформлением бордюрных и разделительных зон (рис. 17).

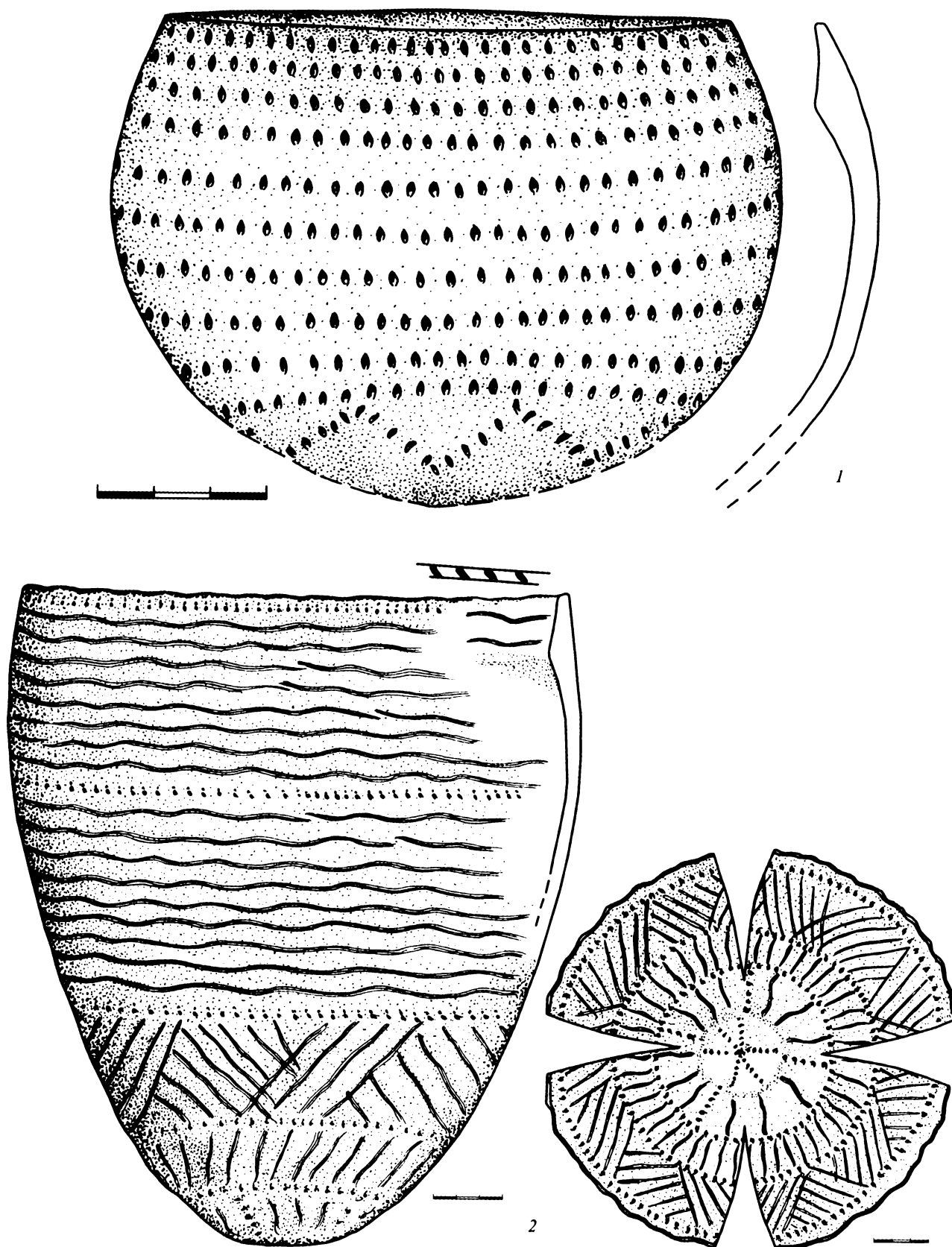

Рис. 5. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

Третья группа сосудов орнаментирована только наколами (8/9,3%) (рис. 5 – 1; 18).

Орнамент на сосудах первых двух групп плотно покрывает внешнюю поверхность. С внутренней стороны орнаментировался только наплыв венчика. Узоры расположены горизонтальными зонами. У трех сосудов внутри этих зон присутствует вертикальное деление, всегда в верхней его трети (рис. 10 – 1, 2; 16 – 1). Соответствующая сохранность не позволяет установить количество и ширину образующихся при этом прямоугольников. Исходя из реконструируемого диаметра, их не могло быть более четырех. Построение орнамента вертикальными зонами отмечено только у двух сосудов (рис. 14 – 1, 2). Они принадлежат к группе сосудов маленьких размеров и по технике исполнения орнамента, чередованию элементов не отличаются от остальных.

Основными элементами орнамента являются горизонтальные прямые и волнистые линии, наклонные прямые и волнистые линии, зигзаг, наколы. Достаточно распространенными мотивами являются разнозаштрихованные треугольники, которые образуют пояса из взаимопроникающих треугольников (рис. 7 – 1, 2; 8 – 2; 12 – 2, 3; 13 – 1, 2; 16 – 3).

Процесс орнаментации сосудов укладывается в определенную схему. Первоначально оформлялась внешняя сторона венчика («бордюрная зона») и наносились разделительные пояски. На следующем этапе заполнялись размеченные зоны. На каком этапе происходила орнаментация среза венчика и наплыва, пока неясно.

Наплыв с внутренней стороны венчика орнаментирован у 45 сосудов (63,4%): прямыми (5/11,1% — здесь и далее процент от количества орнаментированных с внутренней стороны венчиков) или волнистыми (30/66,7%) горизонтальными линиями (одной — 7/15,5%, двумя — 19/42,2% или тремя — 8/17,7%, в одном случае таких линий четыре). Отдельную группу составляют сосуды, венчик которых с внутренней стороны орнаментирован зигзагом (7/15,5%). У двух сосудов наплыв оформлен с помощью коротких наклонных прямых линий (2/4,5%). В одном случае наплыв орнаментирован прямой горизонтальной линией и рядом насечек, нанесенных по ребру (1/2,2%). У части сосудов наплыв не орнаментирован (26/36,6%). У семи сосудов (9%) венчики не сохранились.

Срез венчика большей части сосудов (50/70,4% — здесь процент от числа сосудов с сохранившимися венчиками) оформлен частыми наколами удлиненной формы, расположенными под углом к устью. Наколы наносились инструментом типа палочки, в одном случае расщепленной (форма отпечатков округлая). Неорнаментированным срез венчика остался у 21 сосуда (29,6%).

Бордюрная зона и разделительные пояски оформлялись рядами наколов. Число их для бордюра насчитывает один-три ряда (58/81,7%), для разделительных зон — не более двух (31/39,7%). У одного сосуда пояски из наколов и волнистых прочерченных линий одинаковы по ширине, за счет чего разделительные и основные зоны четко не вычлениваются. Частое чередование мотивов делает их равноправными составляющими композиции орнамента. Иногда чередованием наколов и прямых или волнистых линий оформлена бордюрная зона: общее количество используемых элементов достигает четырех (3/4,2%). У девяти сосудов (12,6%) бордюр не выделяется, по краю венчика нанесены прочерченные линии, которые участвуют в заполнении средней и нижней частей сосуда. В некоторых случаях для оформления бордюрной зоны и разделительных поясков вместо «палочки» использовался гребенчатый штамп с тремя или четырьмя зубцами (7/9,9%). В основном наносился один ряд оттисков. Только в одном случае по краю венчика располагаются два ряда отпечатков штампа. Отпечатки прямые, расположены плотно друг к другу, но не сливаются. Длина оттисков — 1,0–1,2 см, форма зубцов прямоугольная или квадратная (рис. 15 – 8; 17 – 1–5).

Основные орнаментальные зоны могли быть оформлены по-разному. Ширина их также варьируется. Ввиду неполной сохранности не всегда удастся реконструировать их ширину для разных частей сосуда. С большей уверенностью можно судить об их повторяемости. Выделяется группа сосудов, где разделительные пояски чередуются с зонами, заполненными прямыми (16/20,5%) или волнистыми (22/28,2%) горизонтальными линиями. В нее входят сосуды всех размеров, от очень больших до очень маленьких. В этой группе ширина основных зон примерно одинакова в верхней и средней частях сосуда, но может увеличиваться или уменьшаться в придонной части.

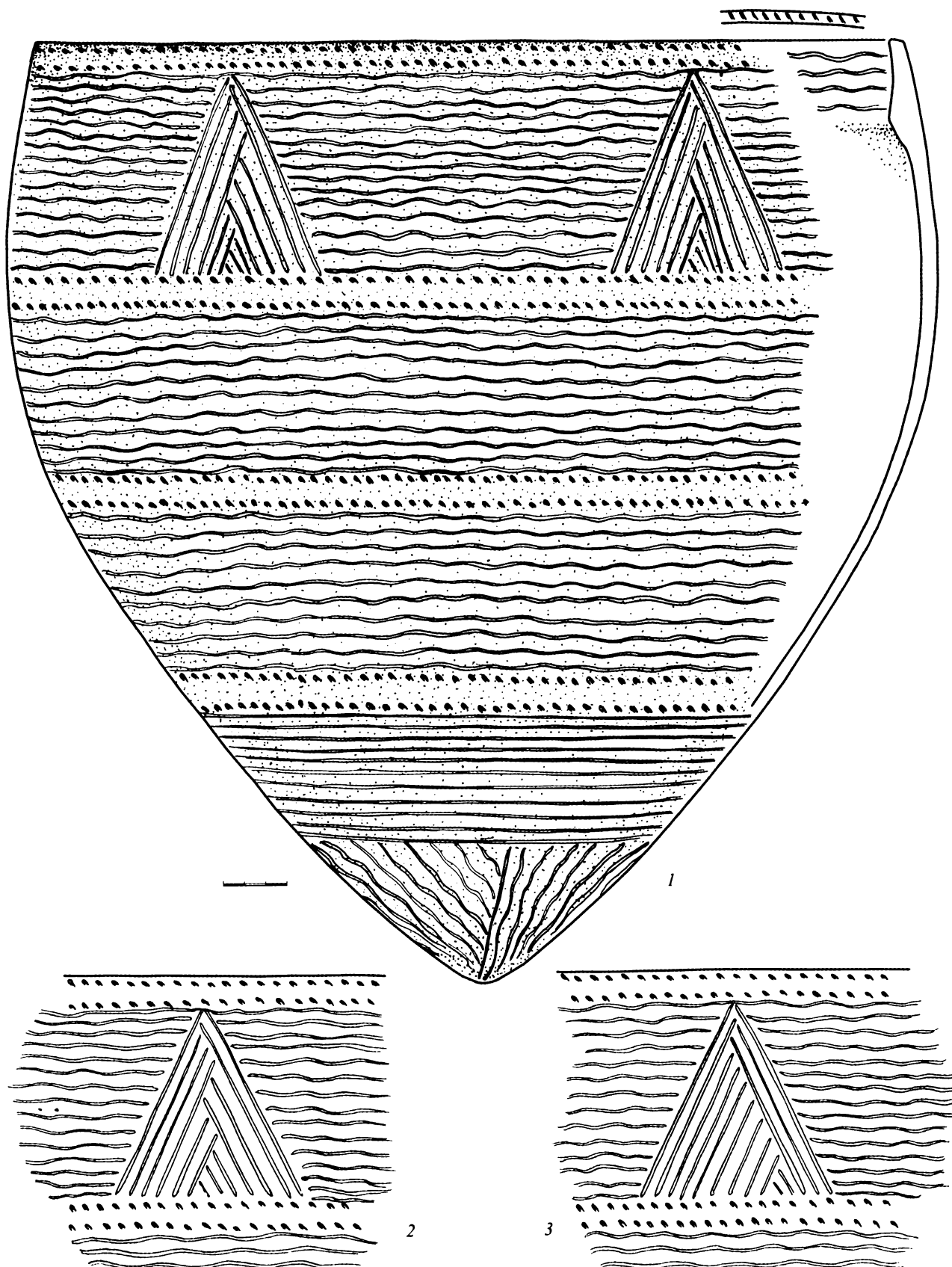

Рис. 6. Поселение Евстюниха I. Керамика свстюнихского типа

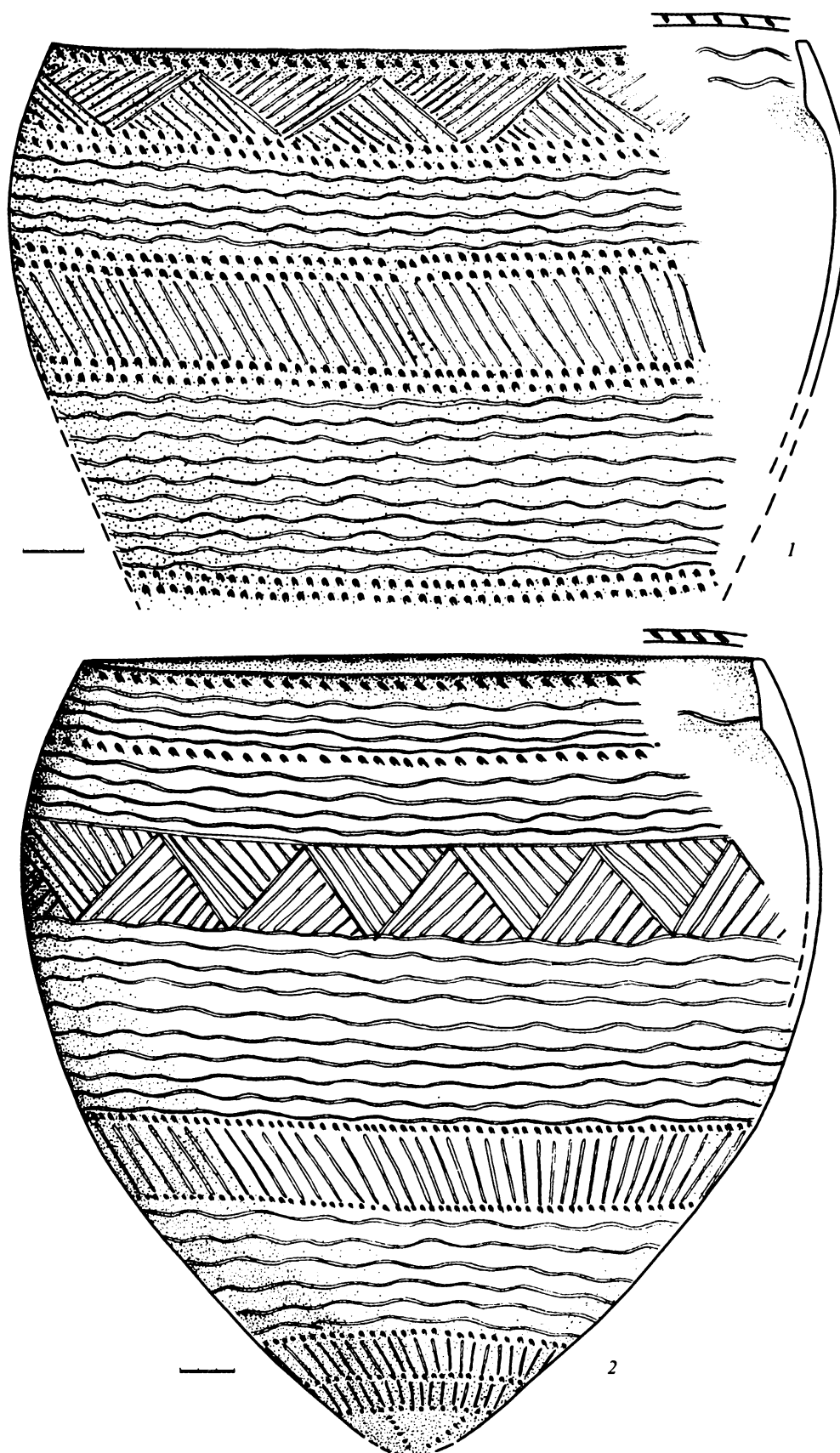

Рис. 7. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

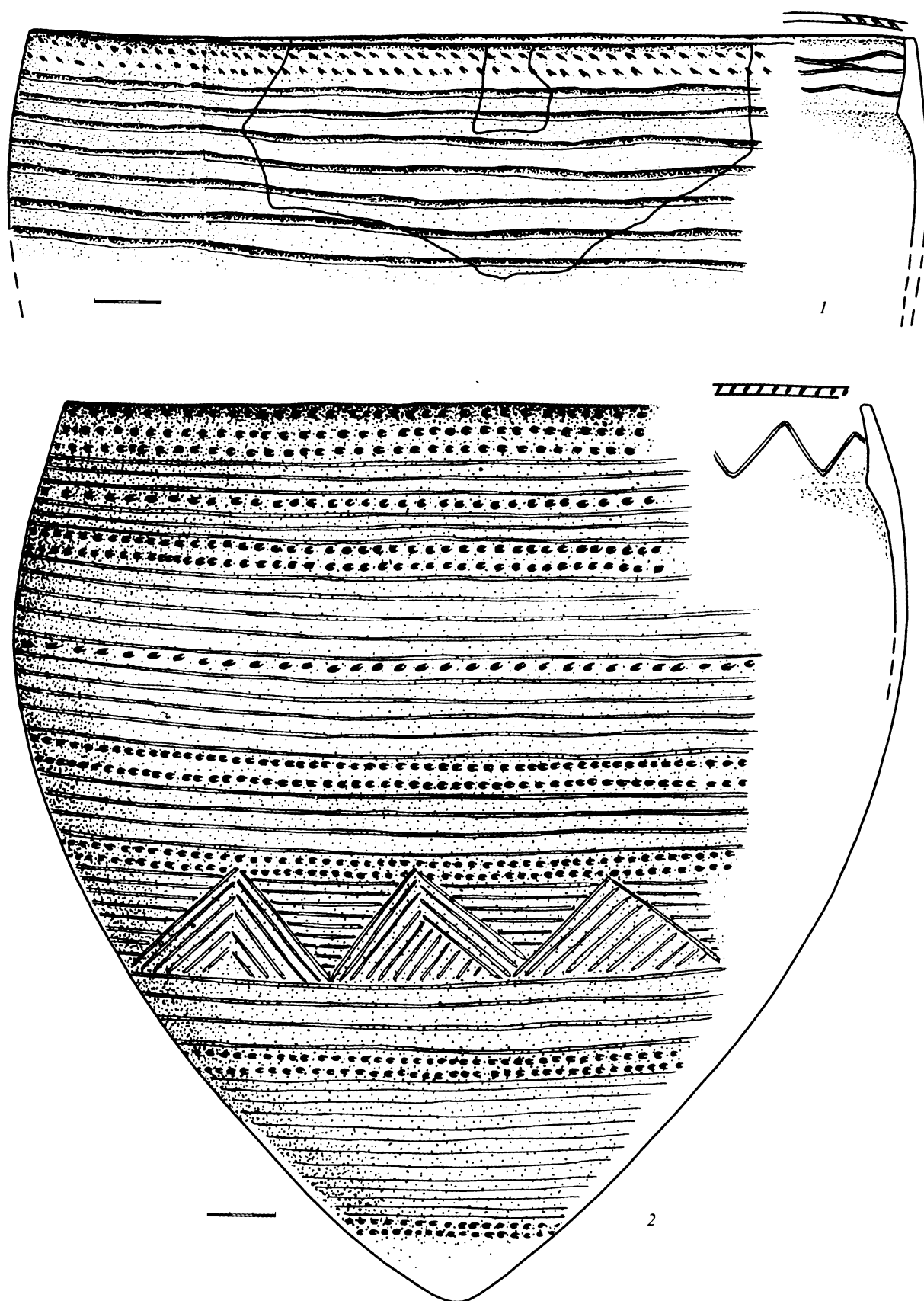

Рис. 8. Поселение Евстюниха I. Керамика свстюнихского типа

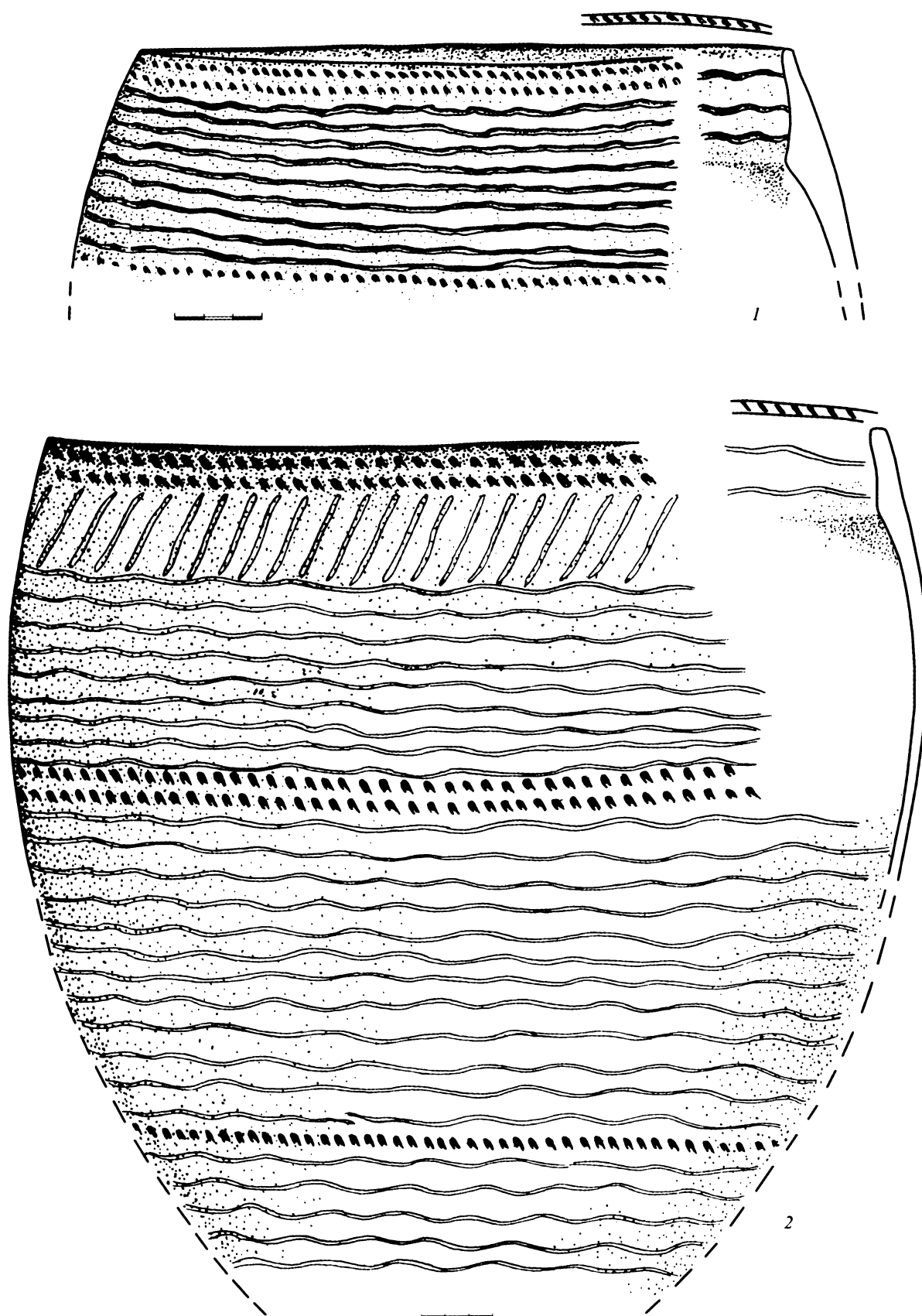

Рис. 9. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

К следующей группе относятся сосуды, в орнаментации которых помимо горизонтальных линий появляются пояса из взаимопроникающих треугольников, наклонных линий, направленных в одну сторону, и наклонных разнонаправленных линий (14/18%). В эту группу входят в основном сосуды больших и средних диаметров (рис. 7). Мотив из взаимопроникающих треугольников в орнаменте сосудов малых и очень маленьких размеров не использовался. Ширина зон, заполненных геометрическими мотивами и наклонными линиями, составляет в основном 2,5–4,0 см. Расположены они в верхней или нижней трети сосуда (за исключением трех сосудов, орнамент которых полностью состоит из таких зон). Наклонные линии нередко встречаются в придонной части. Середина обычно заполнялась горизонтальными линиями и не подразделялась на дополнительные зоны, а если и разделялась, то на широкие участки. Подряд могли располагаться по два горизонтальных пояса из взаимозаштрихованных треугольников и разнонаправленных линий, разделенных поясками наколов. Ширина оснований треугольников примерно одинакова, так же, как и число составляющих их элементов.

Еще одну группу составляют сосуды, все основные зоны которых заполнены наклонными линиями (5/6,4%). Ширина этих зон одинакова. Направление наклона линий меняется в каждой зоне. Средние размеры имеет лишь один сосуд, остальные относятся к группе очень маленьких (рис. 12 – 4, 15 – 4, 5).

Отдельную группу составляют сосуды, орнаментированные в накольчатой технике (8/9,3%). От пяти из них сохранились венчики, два представлены фрагментами днищ и придонной части, еще один — стенкой (рис. 5 – 1; 18 – 1–5). Полной реконструкции поддается один сосуд (рис. 5 – 1). Он относится к группе сосудов с очень маленьким объемом. Его диаметр 10 см, высота 8–9 см, форма закрытая, дно округлое. В тесте имеется примесь мелкодробленой дресвы. Вся поверхность сосуда оформлена ровными горизонтальными рядами наколов без разделительных поясков. Такие же ровные ряды наколов покрывают сохранившиеся днища других сосудов (рис. 18 – 4, 5). Однако для утверждения, что в верхней части они не были орнаментированы в прочерченной технике, достаточных оснований не имеется. Наколы у этих сосудов имеют подтреугольную форму и дают глубокие отпечатки (в отличие от миндалевидных наколов, используемых для нанесения разделительных зон, которые не проникают глубоко в поверхность сосуда). Три сосуда этой серии относятся к группе с другой схемой орнаментации (рис. 18 – 1–3). Орнамент покрывал всю поверхность сосудов и выстраивался в определенной последовательности. Сначала по венчику наносились один-два ряда продолговатых наколов, затем — разделительные пояски, состоящие из одного ряда таких же наколов. После этого заполнялись основные зоны (ширина их — 2,0–2,5 см). Здесь той же формы наколы выстраивались в наклонные линии. По приемам построения орнамента, способу формовки венчика, составу теста, заглаженности поверхности данная группа сосудов не отличается от прочерченно-накольчатого комплекса.

В особую группу выделяются три сосуда, в орнаменте которых присутствует мотив разнозаштрихованных треугольников. Один из них опубликован и известен достаточно широко. Он относится к группе очень больших сосудов (рис. 6). Это остродонный сосуд закрытой формы, который имеет диаметр 42 см и высоту 40–42 см. Срез венчика орнаментирован наколами. Высота наплыва с внутренней стороны венчика — 3,7 см, толщина его — 1,6 см; ребро четко выражено, имеет приостренную форму. По всей высоте наплыва нанесен орнамент, состоящий из четырех рядов прочерченных волнистых линий. Толщина стенок — 0,6 см. В тесте присутствует примесь талька и охры. Вся поверхность его густо орнаментирована и делится на пять горизонтальных зон. Ширина зон в средней части одинакова, в верхней — несколько больше, а в придонной — несколько меньше. Разделительными поясками выступают два ряда наколов вытянутой формы, характерной для евстюнихского типа керамики. Основные зоны в верхней и средней части сосуда заполнены волнистыми прочерченными линиями, в придонной — прямыми. Дно разбито на четыре сектора, каждый из которых орнаментирован наклонными волнистыми линиями. Направление наклона для каждого сектора различно. В верхней части сосуда в основную зону вписаны четыре разнозаштрихованных треугольника. Два из них сохранились полностью, еще два — фрагментарно. Судя по всему, они образуют парные композиции, которые различаются между собой способами штриховки. Первая реконструируется достоверно, вторая, в силу худшей сохранности, — предположительно, но с большой долей вероятности (рис. 6 – 2, 3).

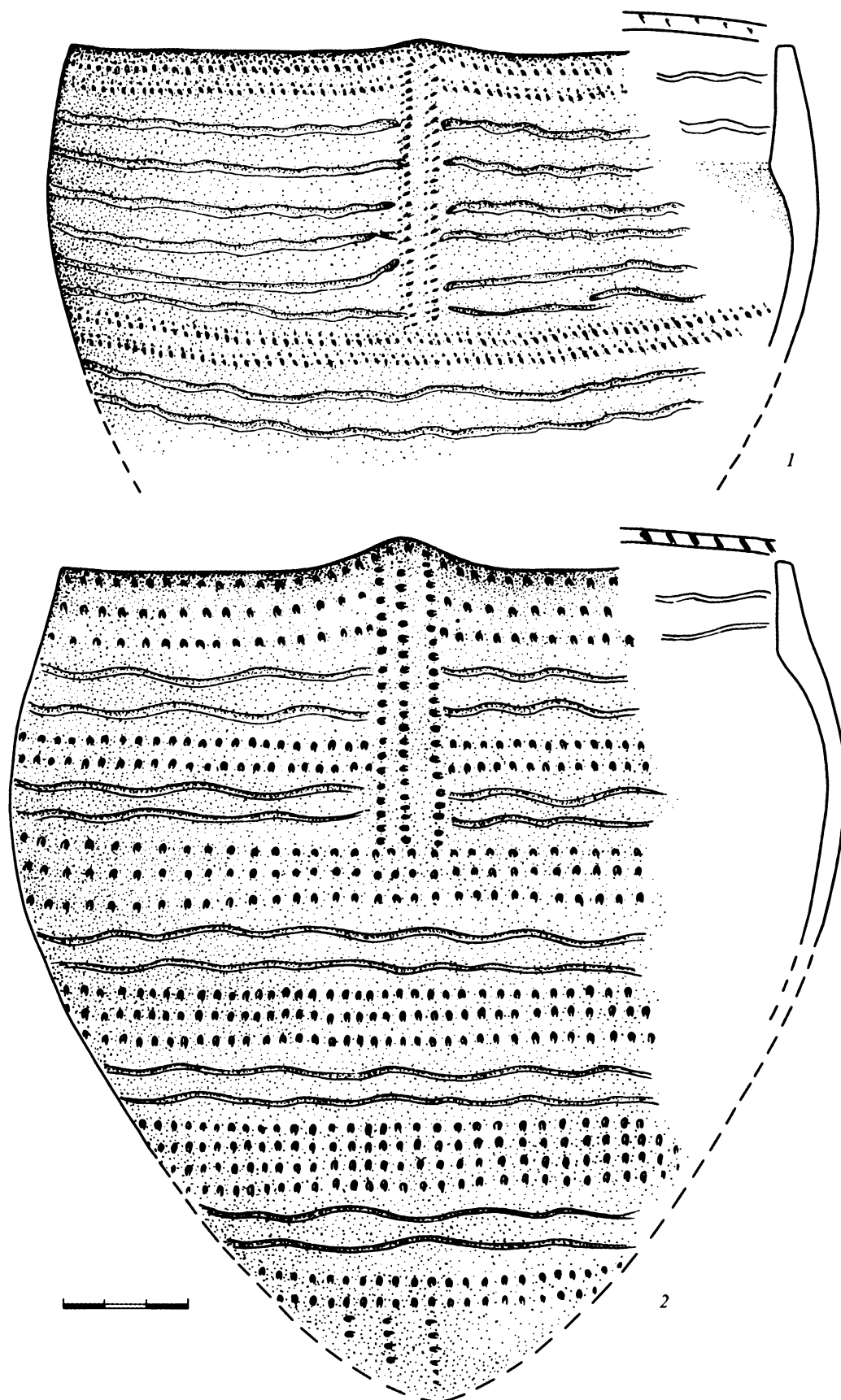

Рис. 10. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

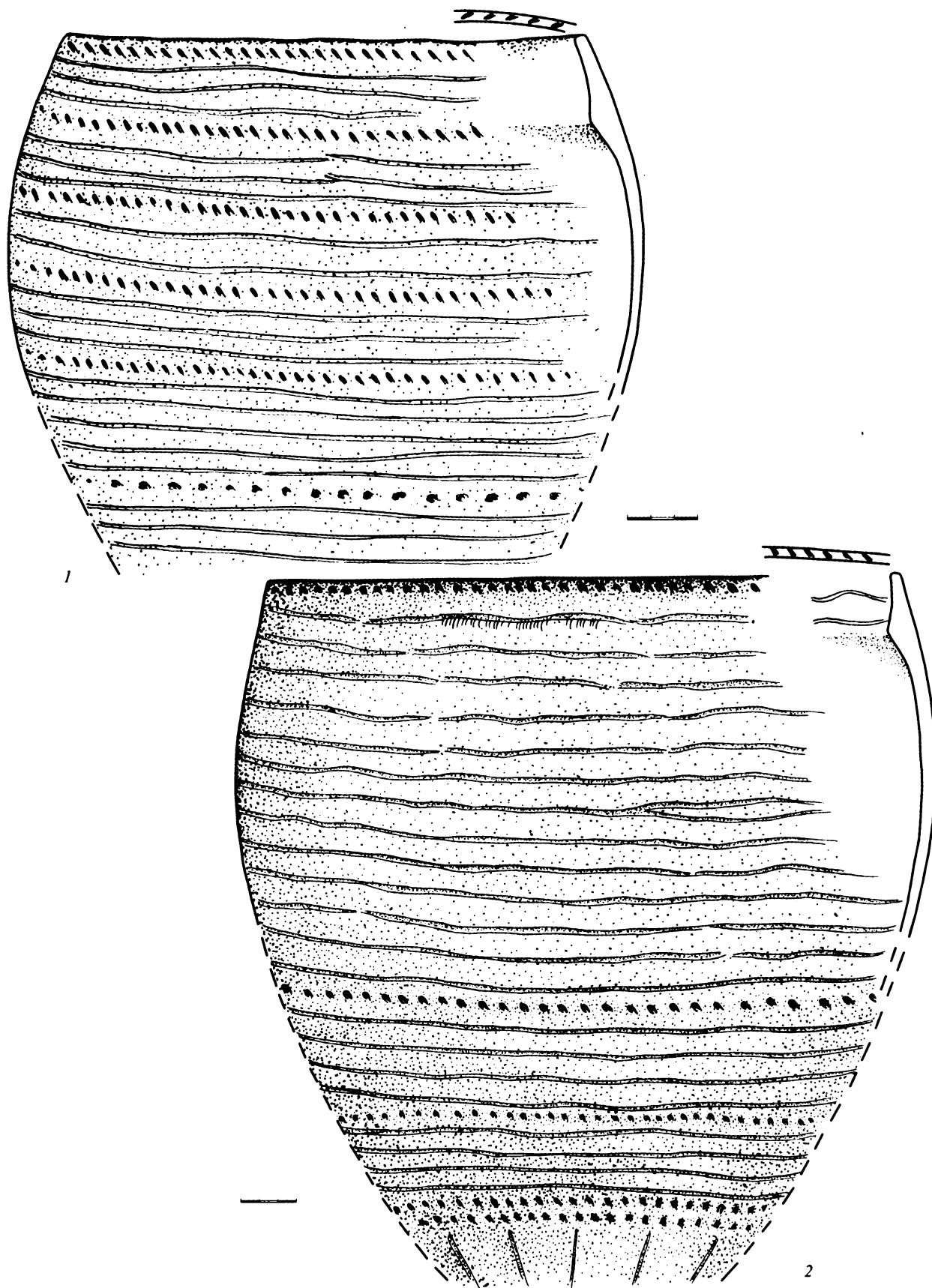

Рис. 11. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

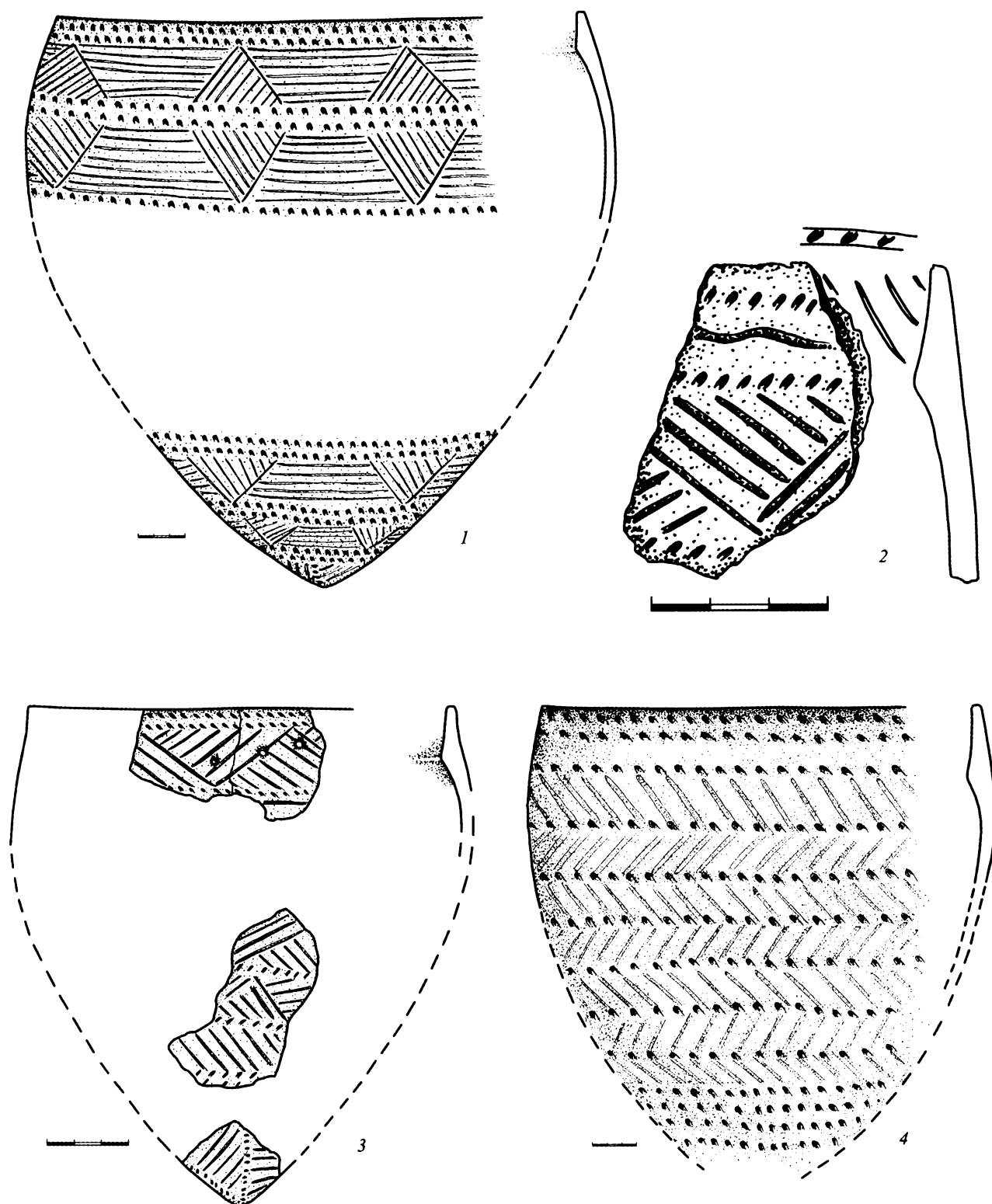

Рис. 12. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

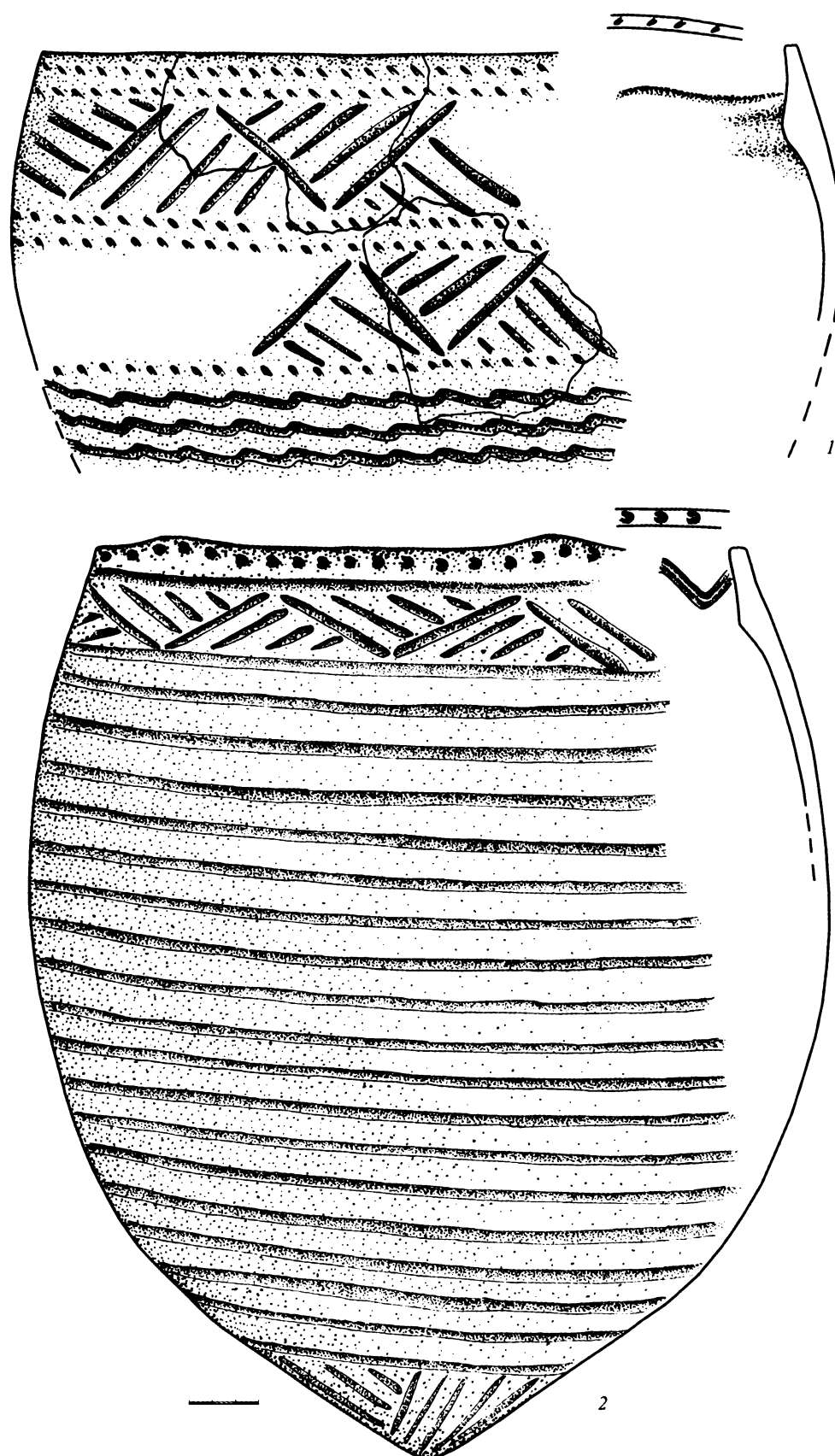

Рис. 13. Поселение Евстюниха I. Керамика свстюнихского типа

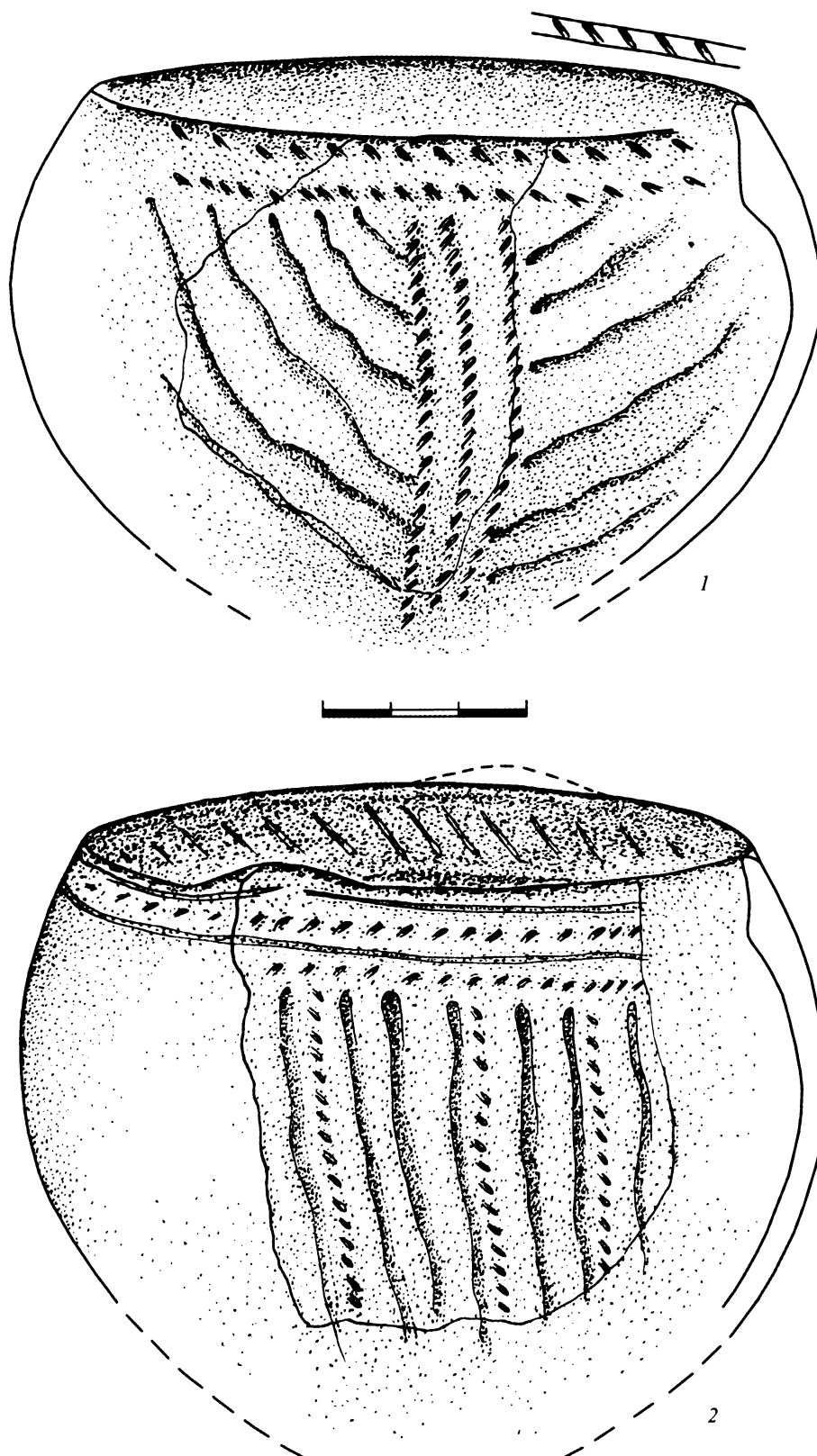

Рис. 14. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

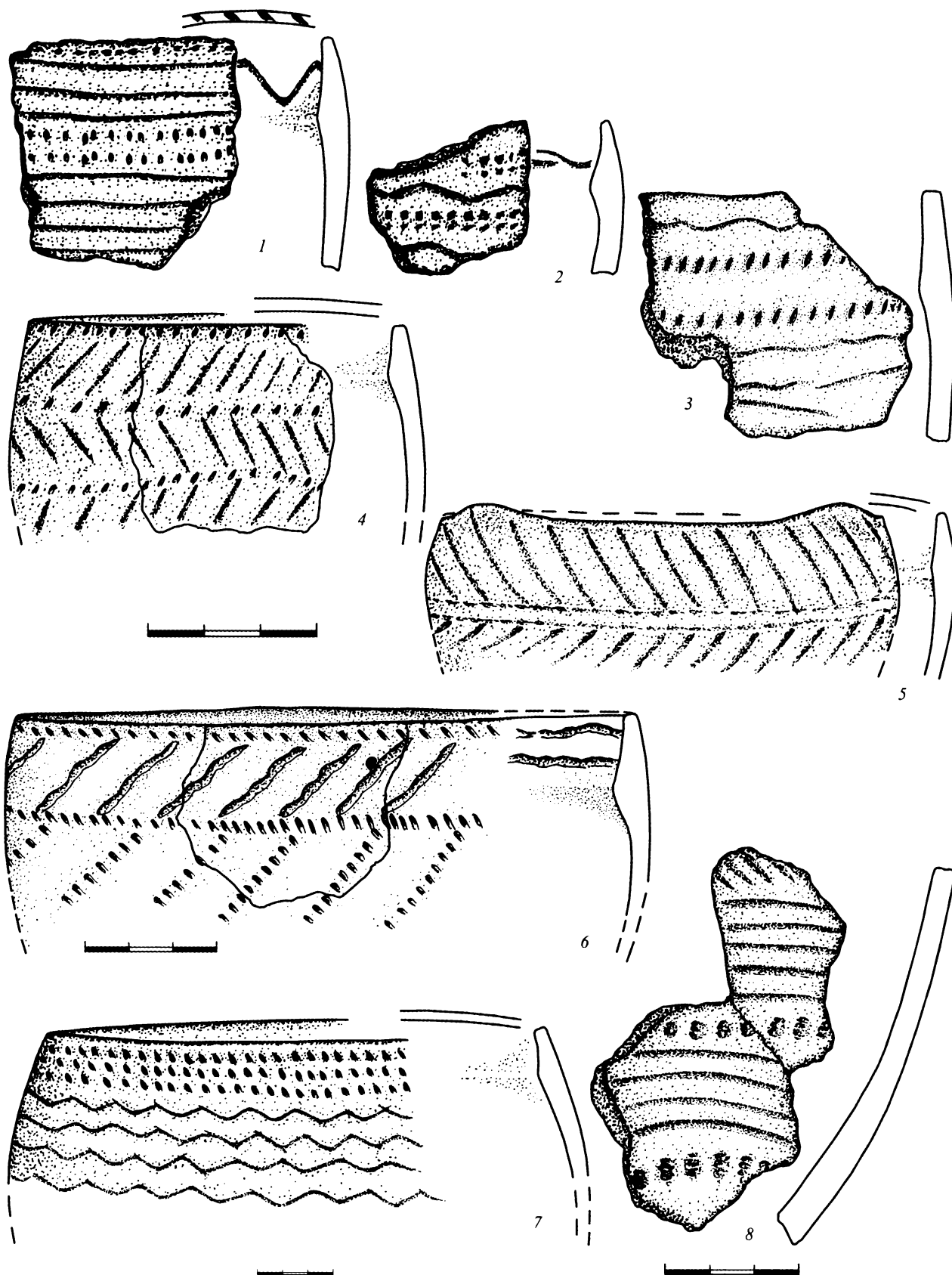

Рис. 15. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

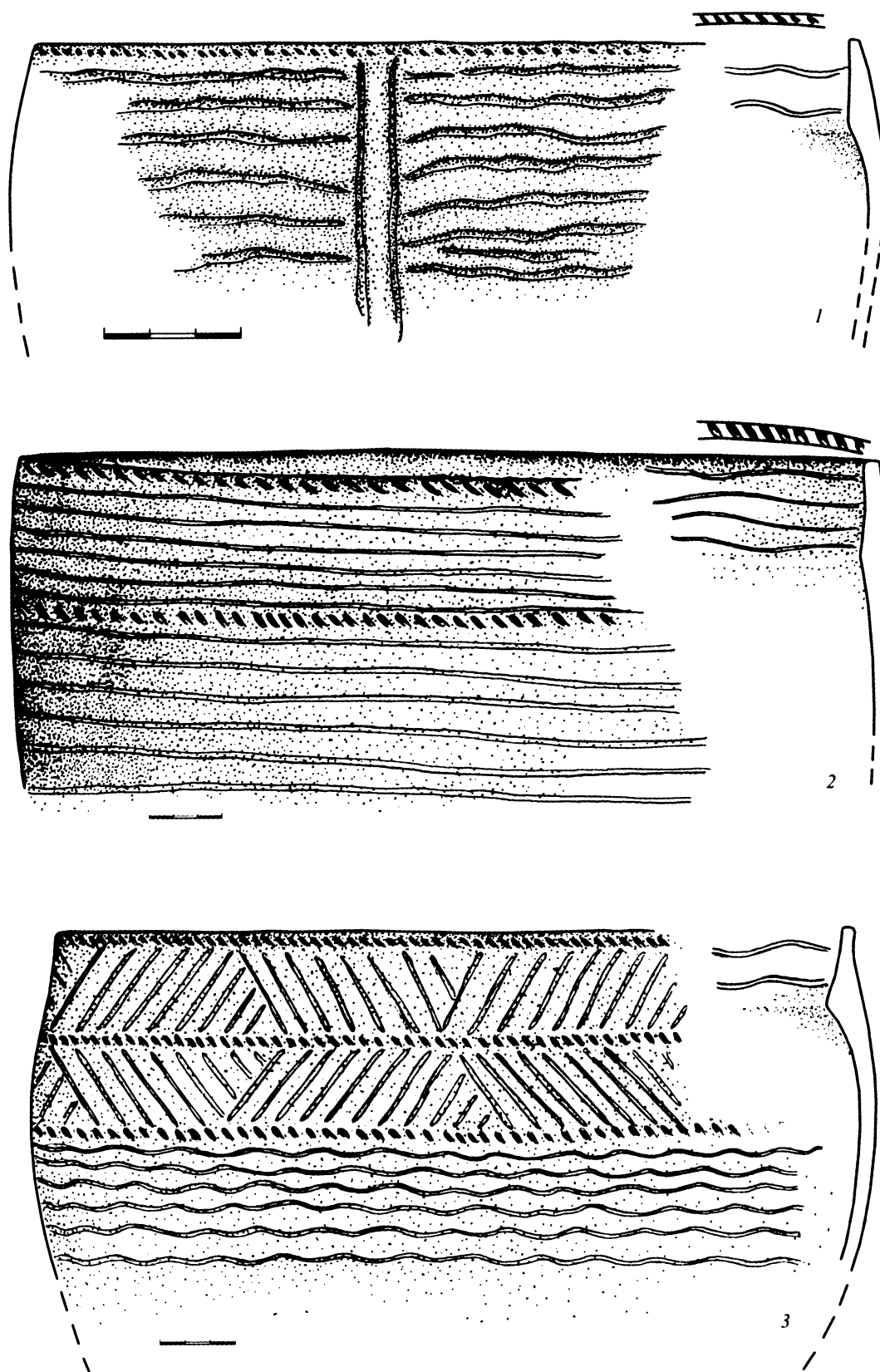

Рис. 16. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

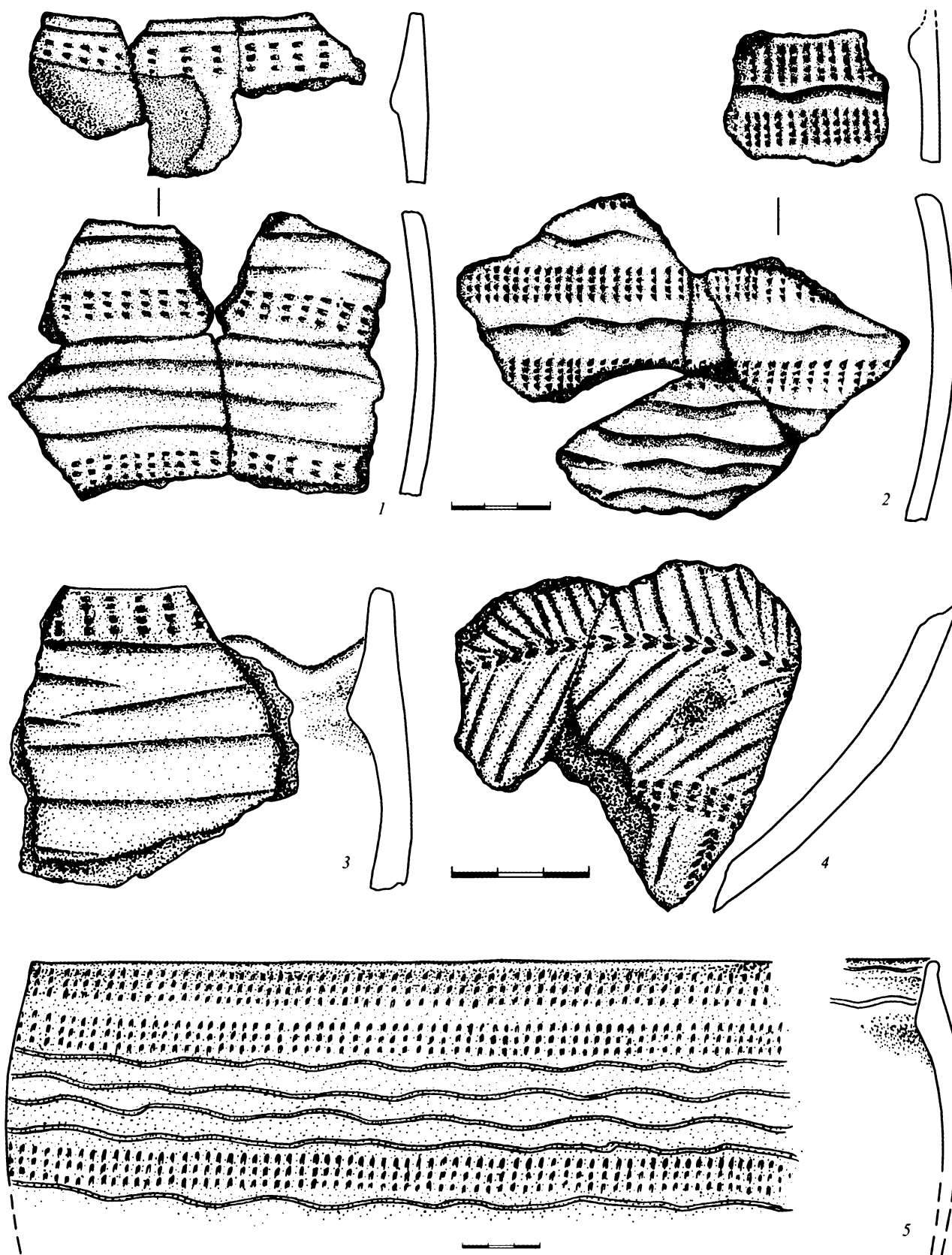

Рис. 17. Поселение Евстюниха I. Керамика свстюнихского типа

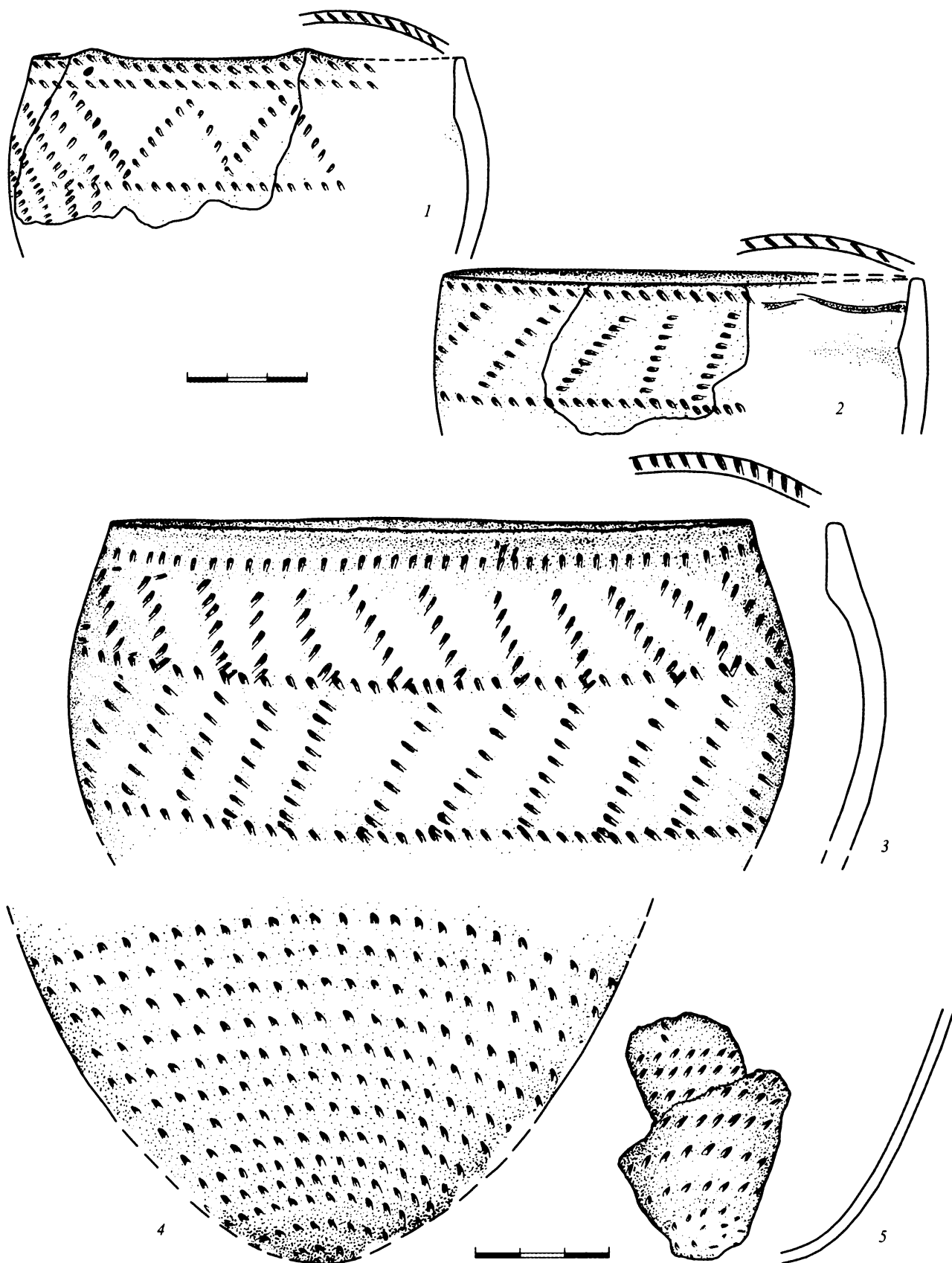

Рис. 18. Поселение Евстюниха I. Керамика евстюнихского типа

Второй сосуд также относится к группе очень больших и имеет диаметр 36 см (рис. 8 – 2). Реконструируемая высота — 39–40 см. Форма закрытая, дно приостренное, в верхней трети сосуда бока несколько раздуты. Толщина стенок — 0,5 см. В тесте — примесь талька и охры. Высота наплыва с внутренней стороны венчика — 3,1 см, толщина — 1,3 см, ребро четкое, приостренное. Наплыв орнаментирован высоким зигзагом, выполненным в прочерченной технике. По срезу венчика нанесены наколы. Бордюрная зона и разделительные пояски оформлены рядами наколов округло-вытянутой формы (по внешней стороне венчика — три ряда, ниже по всей поверхности — два, а внутри основных зон в верхней и средней частях сосуда — по одному дополнительно). Насчитывается шесть основных зон (с учетом дополнительных делений — восемь). Все они заполнены прочерченными прямыми линиями. Ширина зон неодинакова. В месте перехода средней части в нижнюю (придонную) в одну из широких основных зон вписаны треугольники. Общее их количество не реконструируется. Сохранились только четыре треугольника. Каждый из них заштрихован особым образом, отличающимся от остальных. На других сосудах треугольники штриховались по определенной схеме: сначала наносились внешние ребра, затем в одном направлении заполнялось пространство между ними. Внутреннее пространство треугольников на двух описываемых сосудах заполнялось разнонаправленными линиями, причем их количество для обеих сторон не является устойчивым.

Последний сосуд этой группы плохо сохранился в средней части, что затрудняет его полную реконструкцию (рис. 12 – 1). Он относится к группе больших сосудов и имеет диаметр 34 см. Высота не реконструируется. Форма закрытая, дно приостренное, бока в верхней трети раздуты. Срез и внутренняя сторона венчика не орнаментированы. Высота наплыва — 1,7 см, толщина — 1,1 см, ребро четкое, приостренное. Толщина стенок — 0,7 см. В тесте — примесь талька и мелкотолченой дресвы. Орнамент располагается горизонтальными зонами, точное количество которых неизвестно. Разделительными поясками выступают двойные ряды наколов вытянутой формы. С уверенностью можно говорить, что две основные зоны в верхней части сосуда и две в придонной оформлялись вписанными между рядами горизонтальных прямых линий треугольниками. Общее число последних не реконструируется. Точно можно сказать, что их более четырех. Все сохранившиеся треугольники заштрихованы одинаково и различаются лишь направленностью вершин. В двух верхних зонах они сгруппированы особым образом. Основаниями треугольники обращены друг к другу (между ними проходит разделительный пояс), а вершины направлены в разные стороны. В результате каждая такая группа образует ромб. В нижней части сосуда треугольники в разных зонах не стыкуются и всегда направлены вершинами вниз.

В жилище были найдены девять дополнительно обработанных фрагментов керамики (шесть фрагментов от сосудов с прочерченным орнаментом, три — от сосудов полуденского типа). Пять из них являются обломками пряслиц. Два фрагмента пряслиц сделаны на обломках сосудов с прочерченным орнаментом. Оба имеют округлую форму. Один из них был найден на дне жилища и имеет размеры $0,6 \times 4,0 \times 1,4$ см, отверстие не сохранилось (рис. 3 – 5). Второй фрагмент размерами $0,5 \times 3,3 \times 3,5$ см залегал в заполнении жилища (рис. 3 – 3). На обеих сторонах его было намечено отверстие. Данный фрагмент можно с уверенностью соотнести с одним из сосудов в коллекции. Три других фрагмента сделаны из стенок полуденских сосудов. Они также имеют округлую форму. Размеры одного из них $0,4\text{--}0,5 \times 2,4 \times 4,4$ см (рис. 3 – 7). Орнамент представляет собой волнистые линии, прочерченные трехзубым гребенчатым штампом. На обратной стороне обломка намечено отверстие, до конца не просверленное. Второй фрагмент следов отверстия не имеет. Размеры его $0,5 \times 3,2 \times 3,5$ см (рис. 3 – 8). Орнамент представляет собой горизонтальный ряд отпечатков гребенки и волнистую линию, нанесенную с помощью трехзубого гребенчатого штампа. Оба эти изделия также сделаны из обломков сосудов, с которыми их уверенно можно соотнести. Еще один фрагмент не сохранил следов орнамента, но по тесту может быть отнесен к керамике полуденского типа. Обломок имеет размеры $0,6 \times 1,9 \times 2,8$ см (рис. 3 – 9).

В коллекции имеется изделие, представляющее собой фрагмент венчика сосуда с прочерченным орнаментом (рис. 3 – 4). Размеры его $0,6 \times 2,2 \times 4,2$ см. Фрагмент сохранил часть наплыва с внутренней стороны. Обработка видна на месте среза — край венчика сглажен и залощен. Найден на дне жилища.

Оставшиеся три изделия также сохранились не полностью. Однако ясно, что они имели подпрямоугольную форму. Орнамент всех трех представляет собой прочерченные линии. Два

изделия сделаны из стенок сосудов с примесью талька в тесте, одно — с примесью дресвы. Один из фрагментов имеет размеры $0,7 \times 2,4 \times 3,7$ см (рис. 3 – 1). Найден в заполнении жилища. На нем сохранился орнамент из двух горизонтальных волнистых и наклонных линий. Второй, размерами $0,5 \times 2,4 \times 3,0$ см, орнаментирован только горизонтальными волнистыми линиями (рис. 3 – 2). Этот обломок располагался на дне жилища. Третий фрагмент сделан из стенки сосуда с параллельными прямыми горизонтальными линиями и имеет размеры $0,5 \times 2,2 \times 4,2$ см (рис. 3 – 6). Как и предыдущий, был найден на дне жилища. Все эти фрагменты также вполне соотносятся с имеющимися в коллекции сосудами (первый — рис. 9 – 2, второй — рис. 16 – 3, третий — рис. 13 – 2).

На дне и в заполнении жилища, а также за его пределами были найдены 28 кусочков обожженной глины. Двадцать из них имеют следы лепки (три — особенно хорошо выраженные), а два сохранили отпечатки какого-то инструмента.

Кроме того, на памятнике была найдена глиняная фигурка птички-медведя, широко известная и трактуемая как полиэконическая скульптура²³. Уже высказывалось предположение, что это могла быть не единственная скульптура на памятнике²⁴. Среди кусочков глины со следами лепки вполне могут иметься фрагменты каких-либо фигурок.

Таким образом, анализ керамического материала с поселения Евстюниха I показал, что вопрос об однослойности памятника не может быть решен однозначно. Мыс посещался в энеолите, в эпоху бронзы, раннем железном веке и средневековье. Сооружение функционировало только в неолитическое время. Расположение сосудов, относящихся к разным орнаментальным традициям (прочерченной и гребенчатой) в рамках одного сооружения, на одних и тех же глубинах (в том числе и на дне), наводит на мысль об одновременной эксплуатации жилища носителями обеих традиций.

Однако комплекс керамики с прочерченной орнаментацией находит самые близкие аналогии на других памятниках, датируемых ранним неолитом: Уральские Зори II, Исетское Правобережное (жилище 1), Ташково I (жилище 4, нижний слой). Радиоуглеродный анализ образца из первого жилища поселения Исетское Правобережное дал раннюю дату (которая, правда, подвергается сомнению). Гребенчатая керамика полуденского типа традиционно связывается с развитым и поздним этапами неолита.

На данный момент ответ на вопрос о соотношении прочерченной (евстюнихской) и гребенчатой (полуденской) керамики остается открытым. Следует лишь отметить, что население, являющееся носителем прочерченной орнаментальной традиции, пришло на данное место с уже сложившимися навыками гончарного производства. Это особенно четко прослеживается в постоянстве форм сосудов (разных размеров), отработанных приемах орнаментации и сложившихся орнаментальных схемах.

Сосуды остродонные, закрытой формы, с раздутыми в верхней трети боками. Основной примесью в тесте являлся тальк, часто вместе с охрой. Внешняя и внутренняя поверхности сосудов тщательно выровнены и заглажены. Стенки имеют толщину $0,5\text{--}0,7$ см. Венчик в большинстве случаев наклонен внутрь и лишь в некоторых — слегка отогнут наружу. Срез венчика прямой, плоский или слегка округлый, часто оформлен наколами вытянутой формы, нанесенными с наклоном к поверхности. С внутренней стороны венчика обязателен наплыв, особенно низко опущенный у больших сосудов. В среднем его высота — $1,5\text{--}2,5$ см. Часто наплыв орнаментирован волнистыми или прямыми прочерченными линиями, реже — зигзагом. Вся внешняя поверхность сосудов покрыта плотным орнаментом, который выстраивался горизонтальными зонами.

Процесс нанесения узоров подчинялся выработанной схеме: сначала оформлялись бордюрная зона и разделительные пояса, затем происходило заполнение основных зон. Отмечено только два приема нанесения орнамента: прочерчивание и накалывание. Для этого использовались инструменты типа палочки, иногда расщепленной, а в редких случаях — гребенчатый штамп (только для оформления бордюрной и разделительных зон).

Основными элементами орнамента выступают прямые и волнистые линии. Наиболее распространенными схемами являются параллельные ряды таких линий. К характерным мотивам относятся взаимопроникающие и разнозаштрихованные треугольники, которые образуют целые пояса и чаще всего встречаются в верхней трети сосуда. Орнамент может состоять из чередующихся горизонтальных зон, заполненных наклонными линиями, меняющими направление наклона в каждом поясе. Часто один

или два таких пояса покрывают верхнюю треть сосуда. Бордюрная и разделительные зоны оформлены одним-двумя рядами наколов вытянутой (миндалевидной) формы, а в некоторых случаях — одним рядом вертикальных оттисков гребенчатого штампа (шагающая гребенка исключена).

Описание керамического комплекса может стать лишь первым шагом на пути к пониманию характера памятника в целом, поскольку нерешенными являются вопросы об особенностях каменного инвентаря и соотношении его с имеющейся на памятнике керамикой, а также о характере самого сооружения и «жертвенного холма», упоминаемого А. И. Россадович.

¹ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. — М., 1980; Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья: Уч. пос. — Свердловск, 1989; Асташкин В. И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. — СПб., 1993. Ч. 2; Волков Е. Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 1999. — Вып. 2; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень, 2001.

² Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья...; Косинская Л. Л. О некоторых проблемах неолитоведения Урала и Западной Сибири // Северный археологический конгресс: Доклады. — Екатеринбург—Ханты-Мансийск, 2002; Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типа по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень, 2001.

³ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. — М., 1968. — С. 41.

⁴ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. — С. 19.

⁵ Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. — М., 1970. — № 166. — С. 159.

⁶ Чернецов В. Н. К вопросу о сложении уральского неолита. — С. 47.

⁷ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. — С. 63, 80, 82.

⁸ Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. — С. 15; Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья... — С. 48.

⁹ Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. — С. 16–17, 21.

¹⁰ Асташкин В. И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции... — С. 59.

¹¹ Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики... — С. 159.

¹² Сериков Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // РА. — 1992. — № 4. — С. 139; Чаиркина Н. М., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Литвяк А. С. Археологические памятники Шигирского торфяника. — Екатеринбург, 2001.

¹³ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья... — С. 47.

¹⁴ Волков Е. Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья. — С. 11–12; Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. — 1974. — № 4. — С. 188; Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. — С. 25; Сериков Ю. Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. — Свердловск, 1991. — С. 45.

¹⁵ Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья. — С. 185.

¹⁶ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья.

¹⁷ Материалы, полученные в результате этой разведки, см.: Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья.

¹⁸ Там же. — С. 185; Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. — С. 63.

¹⁹ Здесь и далее все сведения по описанию жилища и других объектов на памятнике приведены из: Россадович А. И. Археологический отчет за 1975 год // Архив Нижнетагильского музея-заповедника. — Ф. 2. Оп. 2.

²⁰ Россадович А. И. Итоги работ Нижнетагильской археологической экспедиции // VI Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — М., 1977.

²¹ Шорин А. Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики...

²² Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья... — С. 47.

²³ Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья. — С. 188; Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. — М., 1976. — С. 33; Сериков Ю. Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // ВАУ. — Екатеринбург, 2002. — Вып. 24. — С. 134.

²⁴ Россадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья. — С. 189.